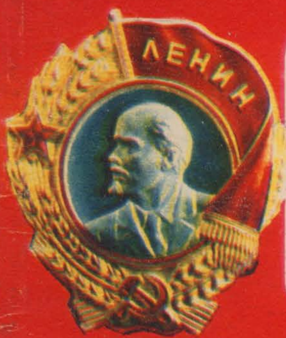

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 19 МАЙ 1979

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (2704)

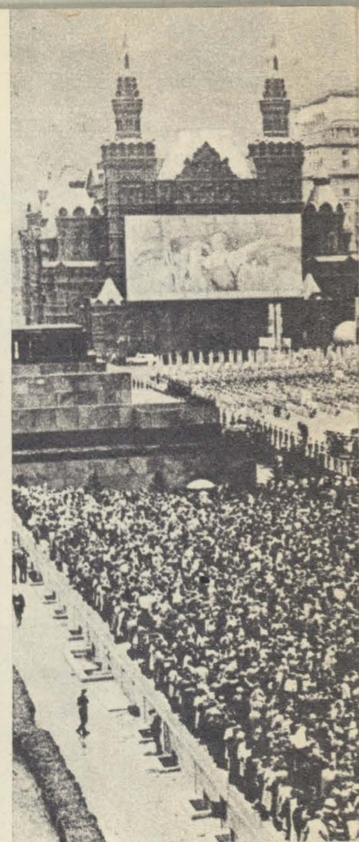
5 МАЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонек», 1979

1 МАЯ 1979 ГОДА

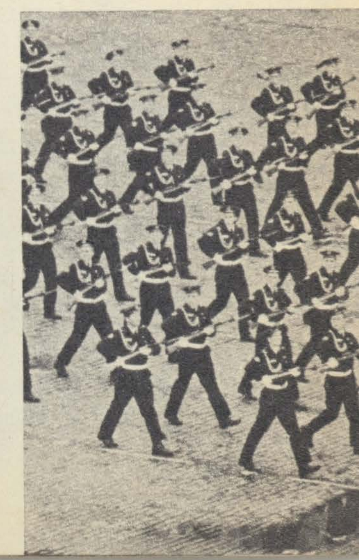
Фоторепортаж
с Красной площади вели
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. ГОСТЕВ,
Г. КОПОСОВ,
А. НАГРАЛЬЯН

МОСКВА,

1 МАЯ

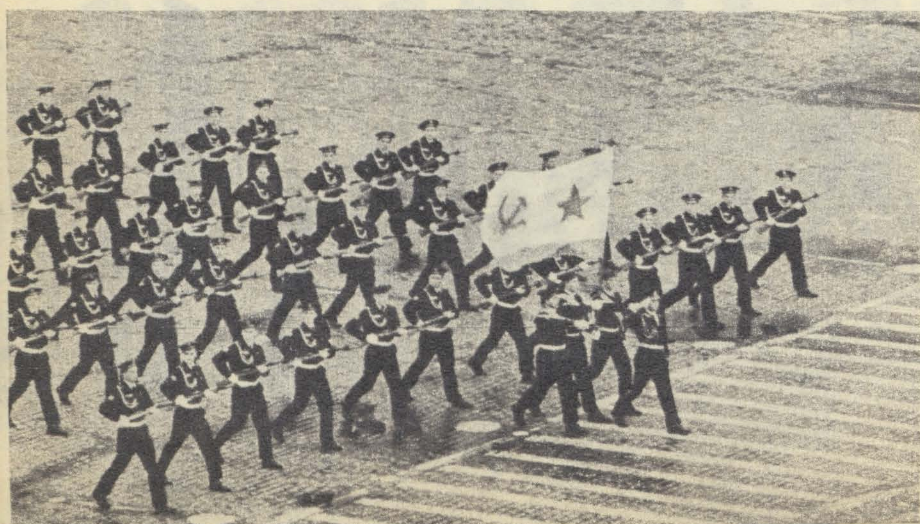

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

1979 ГОДА

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ»

Курт БАХМАН,
общественный деятель,
член Президиума правления
Германской компартии (ФРГ).

Фрида БРАУН,
общественная деятельница,
президент
Международной демократической
федерации женщин (Австралия).

Анджела ДЭВИС,
общественная деятельница (США).

К. П. Ш. МЕНОН,
общественный деятель,
президент Индийско-советского
культурного общества (Индия).

Галина СКИБНЕВСКАЯ,
архитектор, общественная
и государственная
деятельница (ПНР).

Вильма Эспин ГИЛЬОЙС,
общественная деятельница,
председатель Федерации
кубинских женщин (Куба).

Во время переговоров

С ОФИЦИАЛЬНЫМ

Подписание советско-французских документов.

Возложение венков к Мавзолею В. И. Ленина.

ВИЗИТОМ

Фото А. ГОСТЕВА

По приглашению Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева Президент Французской Республики В. Жискар д'Эстэн совершил с 26 по 28 апреля 1979 года официальный рабочий визит в Советский Союз.

Президент возложил венки к Мавзолею В. И. Ленина, на могилу Неизвестного солдата в Москве. Был возложен также венок у мемориальной доски, установленной в Москве в память об авиационном полке «Нормандия — Неман», который сражался вместе с Советской Армией в годы второй мировой войны.

Во время визита состоялись беседы Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Президентом Французской Республики В. Жискар д'Эстэном.

В них приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Кириллин, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев; с французской стороны — министр иностранных дел Франции Ж. Франсуа-Понсе, министр экономики Франции Р. Монори, министр внешней торговли Франции Ж.-Ф. Деньо.

Беседы и переговоры были отмечены духом большой сердечности и взаимного уважения, что традиционно свойственно отношениям между Советским Союзом и Францией, между советским и французским народами.

Главное внимание было уделено рассмотрению наиболее актуальных проблем современности под углом зрения дальнейших шагов по предотвращению угрозы войны, консолидации политики разрядки в Европе и во всем мире, необходимости прекращения гонки вооружений и разоружения, ликвидации очагов напряженности, укрепления международной безопасности и доверия между государствами. По обсуждавшимся вопросам было достигнуто широкое взаимопонимание.

Состоялся также обстоятельный обмен мнениями по основным направлениям дальнейшего развития советско-французского двустороннего сотрудничества в конкретных областях.

В итоге переговоров были приняты документы, которые определяют перспективы и направления развития советско-французских отношений на длительный период.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Президент Французской Республики В. Жискар д'Эстэн подписали программу дальнейшего развития сотрудничества между Советским Союзом и Францией в пользу разрядки и мира.

Л. И. Брежнев и В. Жискар д'Эстэн подписали далее:

Долгосрочную программу углубления экономического, промышленного и технического сотрудничества на период 1980—1990 гг.;

Соглашение об экономическом сотрудничестве на период 1980—1985 гг.

В ходе визита были подписаны также: соглашение о мерах по совершенствованию линии прямой связи Кремль — Елисейский дворец;

соглашение об изучении русского и французского языков;

соглашение о научно-техническом и промышленном сотрудничестве в области вычислительной техники и электроники;

соглашение о сотрудничестве в области исследования Мирового океана.

Было решено продлить до 1990 года срок действия соглашения о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества от 27 октября 1971 года.

По убеждению Л. И. Брежнева и В. Жискар д'Эстэна, новая советско-французская встреча на высшем уровне была полезной и служит развитию дружбы и сотрудничества между СССР и Францией в интересах упрочения мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Герой Социалистического Труда А. Н. Таукчи.

ПОД СОЛНЦЕМ МОЛДАВИИ

Фоторепортаж Бориса КУЗЬМИНА, специального корреспондента «Огонька» на посевной

Кирютнинские поля — эталон культуры земледелия для всего Чадыр-Лунгского района. Руководит тут работами механизаторов Герой Социалистического Труда Афанасий Никодимович Таукчи. У него теперь под началом не просто былая бригада, а целый отряд объединения механизации и электрификации районного совета колхозов. Титулы, конечно, обязывают. Но сущность хлеборобства прежняя: как взять урожай?

Весна нынче складывалась в Молдавии как-то неопределенно и поначалу даже тревожно, но дожди убрались восвояси под натиском солнца. И земли в конце концов поспевали для сева, приглашая трактористов и сеяльщиков к ударному труду. Афанасий Никодимович, как и другие не менее опытные руководители Чадыр-Лунгского совета колхозов, давно продумал тактику на посевной страде. Ни поздние холода, ни тяжелая, влагой пропитанная почва его не смутили. От предписаний технологических карт он не отступал, и механизаторы работали напористо: прокультивировали те поля, где дали о себе знать спровоцированные сорняки, и сеяли, сеяли, сеяли. Главная забота — пропашные. Кукурузе особое внимание. Здесь, в Молдавии, кукуруза — хлеб насущный! А солнце к маю опамятовалось, хлынуло золотым ливнем на ухоженные поля Сливовой долины, погнало всходы в рост.

И вот стоит, притомившись, Афанасий Никодимович возле лесополосы — довольный, счастливый. Он встречает с победой и порожними сеялками последний агрегат. Отсеялись его парни, не подвели: ведь сроки, в которые зерно брошено в землю, многое определяют. От весеннего дня — погожего или нет — год зависит. Вот почему печать заботы нет-нет да и появится на лице счастливого хозяина огромного севооборота.

Н. БЫКОВ

Под небом Чадыр-Лунга.

Тракторист-сеяльщик Василий Федосеевич Барбаров (слева) и звеньевой Василий Иванович Таукчи.

Семена кукурузы ждут своего часа...

9 МАЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ЧЕХОСЛОВАКИИ, ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

«ТАТРА» ЕДЕТ НА РАБОТУ

Здесь «Татра» переходит границу.

Четверть века за рулем Василий Петрович Григорьев.

Б. ЛАБУТИН, фото И. ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Копршивнице — Жилина — Липтовски-Микулаш — Прешов — Михаловце — Ужгород. Пятнадцать лет по этому маршруту водит «Татры» Франтишек Роман. Путь неблизкий — километров четыреста. Но когда послушна машина и знаком каждый поворот, долгие часы дороги скрадывает память. Часто, очень часто она рисует одну и ту же картину: ночь, шумят по обочинам ели, и он, Франтишек, шагает по проселку домой, прижимая к груди теплую буханку хлеба.

...Еще несколько дней назад в его родной деревне Гутиско, что на самой границе Моравии и Словакии, стояли фашисты. Они чувствовали себя хозяевами Чехословакии, заставляя и его, Франтишка, работать на «великую Германию». За отказ — смерть. Но все чаще в Бескидах, среди лесов и гор, партизаны — чехи, словаки и русские — давали понять захватчикам, что они тут не навечно. Фашисты угоняли скот, опустошали крестьянские избы и дворы. Ввели комендантский час: любого, кто появлялся на улице позже четырех часов вечера, расстреливали без предупреждения. За связь с партизанами — тоже смерть. Франтишек не забудет, как висели за околицей, на придорожных липах, трупы троих его односельчан — палачи запретили их снимать. Не забудет, как горела соседняя деревня Горни-Бечва. Последним гитлеровцы подожгли дом, куда загнали ее жителей от мала до велика. Как страшно было это пепелище!..

4 мая в Гутиско вступили части Советской Армии и Первого чехословацкого корпуса Людвика Свободы. Тогда и постучался в их дом пожилой старшина с красной звездочкой на пилотке. Под окнами стояла повозка, груженная мешками с мукой. «Как тебя зовут?» «Франтишек Роман». «Хочешь нам помочь?» «Да!» Франтишек готов был помчаться на край света — ведь его попросил советский солдат, принесший избавление от кошмара немецкой оккупации. Но отправиться надо было ближе — в Валашске-Мезиржичи, за двадцать километров. «Ты знаешь дорогу?» «Конечно!» «Там наша полевая кухня. Оставишь муку и коней и вернешься сюда».

В голодный, разграбленный дом, где не спали мать и двое братишек, он возвращался с увесистой ржаной буханкой, которую на полевой кухне вручил ему повар. Она еще хранила печное тепло и источала такой мирный, домашний запах, что Франтишку вспомнились их довоенные семейные праздники, когда мать вынимала из печки духовитые пироги, и он вдруг понял, что с этой буханкой хлеба в их дом возвращается мир, возвращается жизнь.

После войны двадцатилетним парнем пришел он на автомобильный завод в Копршивнице. Это в тридцати километрах от его деревни. С 1964-го водит «Татры» в Советский Союз.

Жилина — Липтовски-Микулаш — Прешов... По этим же местам проходили, освобождая его родину, советские и чехословацкие солдаты, а для Франтишка эта дорога — продолжение той, по которой он шел в майскую ночь сорок пятого.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Под Ужгородом «Татра» пересекает границу.

— Сегодня у нее торжественный день,— объявил мне Франтишек, и его доброе круглое лицо осветилось улыбкой.— «Татра» меняет подданство: из собственности чехословацкой внешнеторговой фирмы «Мотоков» переходит в собственность советского «Автоэкспорта».

На границе все было обычно. На поле с той стороны урчал мощный К-701, и за плугом скакали грачи. В сотне шагов начиналось словацкое село. Маленькая девочка играла возле «Шкоды» с пражским номером, пока ее родители оформляли таможенные документы. Туристы из Кошице отправлялись автобусом на экскурсию в Советский Союз. А чуть поодаль замерли на площадке ярко-оранжевые «Татры». Заполнены таможенные декларации, водители рассаживаются по кабинам, и колонна выруливает на шоссе. Я сажусь в одну из машин. Перед нами поднимается шлагбаум, пограничник машет красным флажком — добро пожаловать в Советский Союз!

Людовит Селеш — так зовут водителя,— оказывается, киноактер! Видели советско-чехословацкий фильм «Трасса» — о людях, которые работают на нефтяных месторождениях Тюмени? Так вот, главного героя дублирует Людовит — шофер-испытатель из Бановце, где находится филиал автозавода.

— Фильм снимался в Нижневартовске, — рассказывает Людовит, — на автобазе, где только «Татр» штук пятьсот. Я впервые своими глазами увидел, как тяжело там работать, и гордился, что водители довольны нашими грузовиками. — Людовит протягивает мне бумажку. — Это телефон моих советских друзей в Нижневартовске. Передайте им привет от Люда! Впрочем, надеюсь и сам скоро у них побывать: там строится крупный ремонтный завод с чехословацким оборудованием.

Сегодняшний перегон короткий: через полчаса мы уже на территории областного управления Главснаба УССР. Отсюда машины отправятся по разным адресам. На столе у начальника управления Зиновия Ивановича Бурачка телеграммы со всех концов страны: «Татру» ждут на работу. Но пока она отдыхает, я познакомлю вас поближе с ее биографией.

Перед тем как отправиться в эту командировку, я позвонил в Чехословакию, на завод в Копршивнице. К телефону подошел директор предприятия Милослав Копец.

— Когда в СССР были поставлены первые автомобили вашей марки?

— Сразу после войны! А с 1971 года в рамках СЭВ завод стал монопольным производителем таких грузовиков. В нынешнем году поставим в СССР 30-тысячную «Татру». Только что отправили партию сверх плана — наверно, ее вы и встретите на границе. Передайте всем, кто водит наши машины: желаю много тысяч километров без ремонта!

...Вот они стоят на площадке, представители сегодняшнего поколения «Татр»: голубая — трехсторонний самосвал для сыпучих грузов; оранжевая, с массивным кузовом и козырьком над кабиной — для камня и руды; с черным капотом — «Арктика», в специальном северном исполнении. В паспорте каждой написано: «Предназначена для работы в тяжелых условиях местности».

Куда отправится та, на которой мы ехали от границы — заводской номер 64234? Зиновий Иванович заглядывает в бумаги:

— В Тулу. Утром в дорогу. Машину поведет Василий Петрович Григорьев, бригадир тульской автобазы № 1.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Оформлены документы, на месте запасное колесо, набор инструментов, зеркала, дворники, аптечка. Едем!

Не успел я освоиться в кабине, оценить ее простор и комфорт — высокие, удобные кресла, широкий обзор, незапотевающие ветровые стекла и даже две пепельницы для водителя и пассажира,— как уже остановка: бак-то пустой!

Первая заправка. Всего их предстоит четыре. До Тулы около двух тысяч километров.

— Когда будете дома?

— Не загадывайте — у шоферов это дурная примета! — смеется Василий Петрович и хлопает по оранжевому капоту.— Сейчас дольем тебе, голубушка, маслица — и в добрый путь!

Струится меж рядами тополей до блеска укатанное шоссе. В Карпатах бушует весна. Зеленью окутались ивы, зацветают сады, хозяйки подновляют стены хат. На спидометре пляшет солнечный заяц, а стрелка подошла к отметке 80. Перегон — это одновременно и обкатка. Василий Петрович вслушивается в гул мотора — нет, работает ровно, не слышно посторонних шумов.

— Значит, сойдемся характерами,— словно беседуя с машиной, произносит водитель и прибавляет газу.— А пока порезвись напоследок — с грузом да по бездорожью так не помчишь!

Он говорит о машине с любовью, тепло, как о чем-то живом. Может ли быть иначе, если любовь эта с детства, а с дорогой связана вся жизнь? Четверть века Григорьев за рулем. Даже во сне ладони чувствуют баранку. «Крещение» получил в армии. В пятьдесят шестом приехал по комсомольской путевке в Сибирь, в Бодайбо.

— Те края и научили меня: если ты за рулем — значит, одно целое с машиной. Был случай, когда чуть не замерз в дороге,— вспоминает Василий Петрович.— Вез из леса крепежные балки для шахты. И надо же — километров за тридцать до места лопнул приводной ремень вентилятора. Дальше ехать — сожжешь мотор, оставаться — пропадешь сам: ночь, мороз за пятьдесят... Это сейчас в «Татре-Арктика» — включил печку и спи, а тогда таких машин не было. Решил ехать — по два-три километра в час. Зачерпну ведром снега — и в радиатор. Он кипит, брызжет, стекла покрылись льдом. Стоял на подножке и одной рукой рулил. К утру кое-как добрался... С машиной, в которой мы сейчас едем, такого не случится: у нее воздушное охлаждение.

Через его руки проходит уже третье поколение этих грузовиков. На автобазе, где работает Григорьев, 50 машин из ЧССР. В его бригаде — бригаде коммунистического труда — только «Татры». Срок их службы в среднем два года при двухсменной работе — и это по бездорожью, по склонам карьеров, в грязь и распутицу, словом, там, где нужен именно такой грузовик высокой проходимости. Потом машину переводят на более легкие «хлеба».

Где служат чехословацкие грузовики? Вы встретите их на любой стройке, будь то дом, заводской цех, шоссе.

— У нас в Туле сейчас много строят, и дома многоквартирные, до четырнадцати этажей,— добавляет Василий Петрович.— Выше дом — глубже котлован. Значит, работы прибавляется. Скажите спасибо «Татре», новоселы!..

На следующий привал колонна остановилась по просьбе «Огонька» — надо сделать снимки. «Веселее улыбайся, Петрович, в твоей шине гвоздь!» — вдруг крикнул один из водителей. В самом деле, в покрышке заднего колеса по самую шляпку засел толстый гвоздь. Все ахнули, когда его извлекли: будь на сантиметр длиннее, проколол бы камеру. Это было единственное происшествие на нашем пути.

И снова мелькают названия городков и поселков. Почти в каждом стоят обелиски — здесь тоже прошла война. А где-то под Смоленском похоронен отец водителя нашей машины, Петр Григорьев, погибший в августе сорок первого.

...На площади в Праге замер советский танк, первым вступивший в город в мае 1945-го. В Магадане встала на постамент чехословацкая «Татра». Их дороги соединены нашей памятью — о тех, кто отдал жизнь, чтобы это были дороги мира, созидания и дружбы. Так говорили мне чех Франтишек Роман и русский Василий Григорьев.

В ЗВЕЗДНОМ — НОВОСЕЛ

— Когда люди полетят на Марс?

— Сколько надо учиться, чтобы стать космонавтом?

— Почему в космос не берут детей?

Ну можно ли упустить такой случай — прямо перед тобой настоящий, живой космонавт! И вопросы сыпались со всех сторон. Камила Боговичева тоже мечтает отправиться в полет вокруг Земли, как Валентина Терешкова. Камила отличница и даже видела, как тренируются космические летчики: прошлой весной была в Звездном городке, в Центре подготовки космонавтов.

— С ребятами из Звездного мы крепко-крепко дружим! И пионерская дружина у нас называется «Дружба». В Москве я пятый год, папа работает здесь в объединении «Прагоинвест». Учусь в 127-й школе. По русскому мне помогает Оля Ерохина. А сегодня у нас праздник!

Тридцать лет назад в Чехословакии была создана пионерская организация. Юбилей прошел по всей стране. А для чехословацких ребят, родители которых живут и работают в Москве, он стал особым: их дружина отныне носит имя космонавтов Алексея Губарева и Владимира Ремека. Эту идею предложили сами ребята и получили согласие международного космического экипажа.

Наверно, никогда еще этот зал в посольстве ЧССР не видел столько мальчишек и девчонок.

— Спасибо за внимание к нашему экипажу, мои юные друзья! — звучит в наступившей тишине голос дважды Героя Советского Союза и Героя Чехословацкой Социалистической Республики Алексея Губарева.— Во время полета мы с Володей все делали вместе, а теперь вот мне приходится волноваться за двоих. Ремек — первый гражданин вашей страны, побывавший в космосе. Будьте и вы всегда первыми в учебе и труде!

Но и «космический пионер» Чехословакии не забыл ребят в этот памятный для них день. Он прислал телеграмму: «Пионерской дружине «Дружба». Сердечно поздравляю, горжусь. Желаю успехов и счастья. Летчик-космонавт ЧССР Владимир Ремек».

— Вы живете в Москве, столице самой дорогой для нас страны, — сказал в своем выступлении посол ЧССР в Советском Союзе Честмир Ловетинский.— Отсюда тридцать четыре года назад на землю Чехословакии пришла свобода. Пусть дружба с Советским Союзом, с которым вы породнились в юные годы, будет вашим спутником на всю жизнь!

А потом в дверях появился... Мишка. Он был метрового роста, с кудрявым золотистым брюшком, на котором красовались пять разноцветных колец, и так добродушно улыбался, что по залу прокатился дружный смех. Мишка прибыл из Брно, где по лицензии Оргкомитета «Олимпиады-80» выпускаются олимпийские сувениры, и отправится вместе с Губаревым — это подарок чехословацких пионеров их друзьям, их сверстникам в Звездном городке.

Б. ВАСИЛЬЕВ

Фото И. ГАВРИЛОВА

О. Пономаренко. Род. 1948. ПОБЕДА.

В. Орешников. Род. 1904. НЕЖДАННОЕ СПАСЕНИЕ.

КТО ЗНАЛ ЕГО, ОТЗОВИТЕСЬ!

Уважаемая редакция! Я с удовольствием читаю «Огонек» и давно собираюсь вам написать. Хочу рассказать о судьбе советского человека, который погиб в 1941 году рядом с моим родным домом в небольшом городке Грудек Белостокского воеводства. Быть может, родственники еще ждут вести о нем, ждут друзья и знакомые, не зная, что он сложил голову в неравной борьбе.

Мне было тогда десять лет. Дом наш стоял на отшибе, прямо у поля, километрах в полутора от леса. Фашисты бесновались, убивали гражданское население, и днем мы отсиживались в погребе. Время от времени мимо нашего городка проходили поодиночке советские солдаты, пробираясь на восток. Мои родители помогали им как могли — продуктами, одеждой.

Однажды около полудня пальба прекратилась, стих рев моторов, и мы решили перебраться из погреба в дом. Из окон был хороший обзор. И вот мы увидели, как из леса вышли двое и направились через поле к нашему дому: один — солдат, другой — в штатском. Вдруг на шоссе появилась колонна немецких мотоциклистов. Они сразу же заметили тех двоих, колонна остановилась, и фашисты устремились к беглецам, которые попытались скрыться во ржи. Но она еще только входила в рост и не могла их укрыть. Раздались одиночные залпы, это стрелял советский солдат — у них была одна винтовка на двоих. Немцы рассыпались цепью. Тогда в их сторону полетела граната, потом другая, но фашистам удалось отскочить. Прогремел сильный взрыв — это уже гитлеровцы бросили сразу несколько гранат. Потом вскочили на мотоциклы, и колонна снова двинулась по шоссе.

Когда наконец стемнело, папа осторожно вышел на улицу, думал, что кто-нибудь еще жив. К сожалению, было поздно. Штатский был убит пулей, красноармеец — осколками, у него был разворочен живот.

На другой день с утра по шоссе ехало много немцев. Обозники, увидев убитых, немедленно остановились и перерыли их вещи, забрали оружие, документы. Вечером отец с соседом пошли закопать тела. Похоронили их на меже.

Не помню, две недели прошло или больше, но как-то утром я выгнала кур и потихоньку подошла к могиле. Земля почернела от крови, валялись разные бумаги, тетради и два полуобгоревших альбома. В них было много фотографий, в тетрадях — песни и стихи. Нести находку домой я побоялась, спрятала все в поле. Я люблю советские песни, поэтому, когда никого поблизости не было, я доставала их и читала. Как-то я забылась и прочитала одно стихотворение вслух, отец прислушался и спросил, откуда я его знаю. Узнав обо всем, он велел мне принести домой и тетради и альбомы. Только мы уселись с мамой на пороге и стали разглядывать их, залаяла собака — гитлеровцы! Мама быстро засунула все в подпечек. Потом от страха мы забыли об этом, и когда развели огонь, бумаги сгорели. Остался только один альбом. Как я поняла, он принадлежал Ивану Кургану (или Курганову).

Посылаю вам снимки, которые были в этом альбоме. На одном из них изображены три девушки, а на обратной стороне надпись: «Ванюше от студентов г. Новосибирска, институт хозяйственников и п/квалификации и I курсы счетоводов — от Изновой Т., Шишкиной Е., Дубенской Галины». Может быть, они узнают себя и расскажут больше о советском солдате, который погиб смертью храбрых. На другом снимке — тоже от его сокурсницы, Саши Ермиловой — стоит дата: 27.XI.39 г.

Сейчас останки героя-красноармейца покоятся в братской могиле на кладбище Советских Воинов в Белостоке.

Мария ТАРАСЕВИЧ

Белосток, Польша.

ФРОНТОВОЕ СВИДАНИЕ

Зина привыкла к залпам орудий, почти не слышала их — подремывала в кабине рядом с шофером... Со всем своим оборудованием — баней, прачечной, санпропускником — ее санитарный взвод всегда двигался вслед за полком. Когда на фронте выпадала возможность, для бойцов устраивали «банный день».

...Внезапно наступившая тишина разбудила Зину. Она увидела высокие ели и вспомнила лес, в котором едва не попала в лапы к фашистам. В том лесу проехать машинам было трудно, санвзвод поотстал от полка, и его остановил какой-то лейтенант другой части:

— Куда?! Немцы!

Зина хотела было дать команду шоферу повернуть назад, но лейтенант говорит:

— Раненые у нас, а вывезти не на чем.

И Зина не думала ни одной минуты... Еле вырвались тогда они из все сужавшегося кольца гитлеровцев. Машины ее взвода, сделав несколько рейсов, вывезли триста раненых.

Это было в самом начале войны. Тогда лейтенанту медицинской службы Зинаиде Абрамовне Пойда-Березовской, командиру санитарного взвода 420-го краснознаменного стрелкового полка, дали первый орден — Красной Звезды.

Вот и сейчас стало как-то тревожно на сердце.

Машина выехала на берег озера. Карельские озера славятся своей голубизной, а сейчас озеро под цвет неба — серое, хмурое. И глаза у Зинаиды такие же, хотя всегда были голубыми, ясными. Одолевала усталость. Одолевали мысли о муже, с которым рассталась в первый день войны. И до сих пор не знает, что с ним.

...Незадолго до 22 июня в Ленинград, окончив военное училище, вернулся Владимир. Они давно жили порознь, и теперь эти несколько дней пролетели как миг. Утром Зина рано убегала на работу — она была медсестрой. Вечером они бродили по Ленинграду. И казалось, не будет конца и края счастью... Когда радио сообщило, что началась война, Владимир сразу ушел в свою часть. Вернулся домой, а Зина в военкомате. Владимир так и не смог узнать, где она будет служить,— времени на это не было. Не смог и сообщить о том, куда отправляется,— сам не знал...

— Стоп, машина, тпру, приехали,— сказал шофер, когда они выехали на большую поляну. Зинаида увидела землянки, наскоро отрытые, походную кухню, орудия, прикрытые зеленью.

Кто-то уже поспешал навстречу:

— Братцы, баня сегодня будет! Баня! Как здорово!

...Заулыбались солдаты, почерневшие от копоти взрывов, от грязи осенней распутицы. В лесу запахло родным, домашним.

— Веники давайте ломать,— деловито распорядился пожилой боец.

Зинаида Пойда-Березовская.

Весело задымила печь, взвились в воздух сотни ярких искр, высоко в небо взметнулось пламя. Бойцы зашумели еще оживленнее. Таскали воду из озера, готовили чистое белье. И вдруг подскочил к Зине шофер.

— Ох, и шумит ихний начальник. В порошок, говорит, всех сотру. Расстреляю, говорит, на месте. Дислокацию, говорит, штаба фашистам выдадут... Вон он бежит с револьвером.

И Зина увидела, как стремительно шагает к ним человек, майор невысокого роста. И уже издали можно было понять, что он сердит до крайности.

— Ты что, лейтенант, с ума спятила?..— начал он и осекся.— Зинуша, ты ли?!

И майор крепко сжал ее в объятиях.

...Встретились Зина и Володя и какое-то время шагали одной дорогой. Но воевали вместе недолго — снова разметала их военная судьба.

В скольких бомбежках пришлось побывать Зинаиде Пойда-Березовской, в скольких обстрелах! И сколько раз машины ее взвода служили госпиталем, а Зина была для раненых первым «доктором».

И только уже после Дня Победы Зинаида снова встретила мужа, приехала за ним, тяжело раненным, в госпиталь.

Встретились, чтобы уже не расставаться никогда.

Т. ТРОИЦКАЯ

Отец солдата вернулся в Гурджаани.

В Обители Героев.

ДОРОГА ПА

Ветераны войны из села Бакурцихе, Гурджаанского района, и с ними боевая разведчица-радистка Нуну Квливидзе. А на Стене Памяти — список безвозвратных потерь Бакурцихского сельсовета.

Среди 26 фотографий солдат, не вернувшихся в Кварелцкали, нет фотографии Давида Хадилашвили. Вместо нее всегда свежая гвоздика.

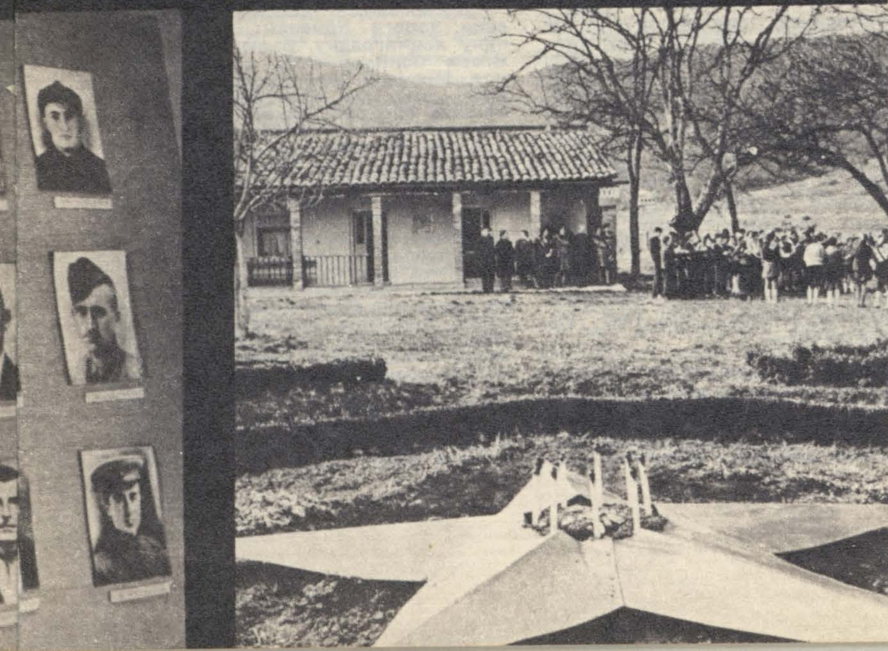

...мяти

Дом солдата в Кварелцкали, Ахметского района, никогда не стоит одиноко.

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

На высоком откосе, обнаженные, где с остатками коры, а где и вовсе гладкотелые, без единого листка на корявых обрубках-ветвях, толпятся громадные, мертвые дубы. Вверху перекинуто толстое бревно, и к нему подвешены колокола с длинными, волочащимися по земле веревками. Хочешь — подойди, возьмись за веревки и дерни. А то и ветер может это сделать за тебя...

На высоком откосе у этой дороги всегда шумит ветер. И нет путника, который не подошел бы к роднику у откоса, не постоял у четырех мраморных пилонов. На них значатся 395 фамилий тех, кого поглотила война. 395 из одного селения, не очень большого, не очень знаменитого кахетинского села Патардзеули, что в переводе означает Новобрачное.

Оно тут же, рядом, это село. Белый цвет ткемалевого дерева придает ему сейчас схожесть с молоденькой, только что расцветающей женщиной. Может быть, среди этих деревьев есть и «Волшебное дерево», знакомое тем, кто читал лирическую прозу, написанную уже на склоне лет поэтом Георгием Леонидзе, кто видел сделанный по этой книге режиссером Тенгизом Абуладзе фильм «Древо желания». Георгий Леонидзе был родом из этого села.

В Патардзеули, в доме матери, прошло детство архитектора Солико Ревишвили. К нему и обратились жители села с просьбой помочь воплотить их память о мертвых и живых участниках Великой Отечественной войны. И надо было, наверно, основательно отрешиться от городских дел, ощутить романтику этих мест, отогнать сложившиеся уже, к сожалению, стандарты, чтобы найти столь выразительный, камерный и в то же время широкий образ. В нем, кажется, есть все: Жизнь и Смерть, Сила и Сплоченность, Время и Бессмертие... Архитектор сам бродил по окрестным горным лесам, тщательно выбирая старые деревья, для которых патардзеульцы вырыли на откосе глубокие ямы, перевезли, забетонировали, закрепили навечно. И все это — дубы, надтреснутые большие винные сосуды — квеври, 395 саженцев, которые скоро поднимутся и зазеленеют за спиною дубов, родник, над струей которого начертано: «Счастлив тот, чье сердце бьется для Родины», — все это, названное Обителью Героев, сделано руками патардзеульцев, не затративших на святое дело ни одной государственной копейки.

В год тридцатилетия Победы появилась Обитель. 395 покоятся неизвестно где. Но тем близким, которые сейчас живут здесь, стало почему-то легче. Они будто захоронили их у себя.

Говорят, память нематериальна. Говорят, что внук однажды спросил своего деда: «Когда ты умрешь?» И дед ответил: «Тогда, когда умрешь ты». Это означало: он будет жить, пока будет жива память о нем. Надо, чтобы защитников Родины помнили многие, очень многие поколения. И кто никогда их не видел, никогда не знал, а, скажем, просто едет откуда-то издалека мимо Патардзеули, погладит ладонью дуб, ударит в колокол: «Помню!».

...Мы катим по кахетинской дороге все ближе к Алазанской долине. Весна. Нежгучее солнце. В сухих и голых виноградниках, похожих сейчас на ученические тетради в косую линейку, еле различимы человеческие фигурки у корней лоз. Мирно дышит земля.

И тогда не падали на нее бомбы, не утюжили ее гусеницы танков. По этой дороге шли и ехали на север будущие солдаты. Шел Форе Мосулишвили и не ведал еще, что военная судьба занесет его в Италию, где он останется телом и душой в вечной памяти страны, благодарно назвавшей этого кахетинского парня национальным героем Италии. Шел молодой учитель из Какабети Нико Павлиашвили, который отдаст свою жизнь за деревню Христиновку Черкасской области, и только спустя тридцать два года сельские ребята-следопыты найдут его останки, напишут какабетцам, подружатся с ними. Шли сотни и сотни тех, кто вернулся домой бронзовыми изваяниями, фамилией на камне, цветущим деревом, посаженным в память о нем.

Дорога Кахетии взывает к памяти. И чудится нам, будто в тряском, колхозном грузовике мелькнула знакомая фигура Отца солдата. Вы помните, Отец был грузным человеком, в маленькой суконной шапочке, сыромятных чувяках — каламани и брюках, заправленных в носки. Он ехал из Гурджаани в прифронтовой госпиталь проведать раненого сына-танкиста, а попал на войну. И нашел своего Годерзи, смертельно раненного, в Берлине. На этом обрывается сюжет фильма Резо Чхеидзе «Отец солдата». Сегодня мы увидели Отца в родном ему Гурджаани. Стоит он на горе, двенадцатиметровый, медный. Ком горечи в горле. В руках шинель и шлем сына. Лицо знакомое — лицо актера Серго Закариадзе, создавшего этот незабываемый образ. То ли киногерой, то ли реально существовавший Георгий Махарашвили...

Под крепко поставленными медными ногами живет и здравствует гора. У подножия ее сложены четыре мощных бастиона (четыре года войны!). Торжественные лестничные марши ведут на верхние площадки, где желтым солнечным туфом выложена Стена Вечности, где стоит полукружьем Стена Памяти. Семнадцать сельсоветов Гурджаанского района выставили на ней списки своих безвозвратных потерь: 4500 выбитых в базальте фамилий. Музей боевой славы, Вечный огонь, открытый кинотеатр под открытым небом, льющиеся из репродукторов песни военных лет. Казалось бы, весь этот мемориал (главный архитектор Гиви Джапаридзе), рожденный 9 мая прошлого года, станет местом философских раздумий и скорби. А получилось так, что, увенчанная фигурой славного Отца (скульптор Мераб Бердзенишвили), гора притянула к себе гурджаанскую молодежь. Она строила мемориал, она же стала и ее хозяином.

Мы поднялись по склону горы и зашли в маленький дом на самой верхотуре. Здесь живет бригадир связистов и бессменный парторг Гурджаанского узла связи Нуну Михайловна Квливидзе. Семнадцатилетней комсомолкой, только что окончившей среднюю школу, пришла она в ЦК комсомола Грузии и потребовала, чтоб ее послали на фронт. Ее послали в школу. Она

стала радисткой, разведчицей. И прошла со штабом 4-го Украинского фронта до Праги, всю войну. Не однажды переходила линию огня, таская на своей спине тридцатикилограммовую аппаратуру, держала связь со штабами партизанских отрядов, побывала во многих переделках и выжила.

Где она будет 9 мая нынче? Может быть, в Москве, на встрече со своей бывшей опергруппой, в условленном месте, в 3 часа дня. А может быть, и дома, тоже со своими гурджаанскими, карданахскими, бакурцихскими, ахашенскими ветеранами. Сделает несколько шагов по склону вниз, подсядет в круг, послушает друзей и вспомнит друзей. И, конечно, с нею рядом (теперь уже мысленно, потому что его не стало с прошлого года) будет ее Алеша Зуев, с которым она вместе вырастила троих теперь взрослых детей. Его, Алешу Зуева, боевого разведчика-радиста, отмеченного многими правительственными наградами, хорошо знали те, кто встречается 9 мая в три часа дня в Москве. Знали и любили Алексея Федоровича гурджаанцы, ибо он жил и работал с ними душа в душу все свои годы после войны.

...А мы снова в пути по Алазанской долине. Упираемся в самый Кавказский хребет. Ахметский район, деревня Кварелцкали. Здесь живут пшавы, маленькая этническая группа грузин. Теперь мало кто помнит, каким был молодой житель этого села Давид Хадилашвили. И родственников, ко всеобщему удивлению, не осталось. И фотографии тоже. Жил парень со своей матерью на окраине деревни, собирался жениться, невеста была у него, но тут война. Решил: вернется с войны, тогда и женится. Но Давид не вернулся. Мать вскоре умерла. Двери и окна дома Хадилашвили законопатили. А несколько лет назад пошел по деревне разговор: сколько, мол, можно стоять дому в запустении? Давайте откроем двери и зажжем бухару (камин). Надо, чтоб дым выходил из трубы. Все-таки солдат здесь жил... Так и сделали. А когда убрали и почистили все в доме, стали приходить сюда те, у кого кто-нибудь погиб на войне. И необязательно только они. Называлось это: пойти погрустить в Дом солдата.

А потом, конечно, развернулось вокруг дома много всяких интересных дел. Здесь торжественно клянутся призывники, уходящие в ряды Советской Армии из Ахметского района. Здесь школьники проводят свои военные игры. Из списка погибших ахметцев выбирают имя для новорожденного и на несколько минут кладут младенца в люльку, стоящую в этом доме. Ведь Давид Хадилашвили хотел тут продолжить свой род...

И каждый раз 9 мая подводятся итоги конкурса на право зажечь огонь в бухаре Дома солдата. Победители конкурса торжественно несут этот огонь из районного центра Ахмета — там Вечный огонь. Идут пешком до села Кварелцкали. Впереди 9 молодоженов года, 9 самых лучших, самых примерных детей года, 9 родительских пар, давших в этом году Родине сыновей. А за ними тянется длинная веселая, праздничная процессия.

...Народ-жизнелюб хочет мира и не забывает, какой ценой этот мир достался всем советским народам.

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**

МАЛЬЧИ

«К моим общественным обязанностям прибавилась еще одна — я председатель попечительского совета подшефного детского дома № 19, что на Воронцовской улице».

Из книги Татьяны Федоровой «Наверху Москва».

Он и сейчас стоит на Воронцовской улице, этот дом. Крепкий, толстостенный, трехэтажный, с узкими длинными окнами и очень высокими потолками. Недавно, в ранневесенний вечер, он снова гудел, как улей, от возгласов и песен, совсем как **т о г д а**. Во всех комнатах, коридорах и на лестницах поцелуи и объятия, смех и слезы, радость встреч и горечь воспоминаний, порой омраченных преждевременными утратами. А люди шли и шли, с первыми робкими цветами в руках, с фотографиями тех лет или, наоборот, нынешними, с фотографиями своих детей или внуков. Такими же малыми были они **т о г д а** сами. Только их детство было совсем иным.

От войн больше всего страдают дети. В этом страшная, как проклятие, как возмездие, трагедия человечества.

Люди, опаленные войной в детстве, всю жизнь несут на себе тяжкий крест воспоминаний. Разве может забыться такое?..

...Придя на какое-то время в себя, Люба услыхала крики и стоны. Захлебываясь, плакал ребенок, кто-то кого-то звал, кто-то нехорошо ругался. В этом единственном во всей деревне каменном доме, который едва не стал общей гробницей, все мучились и стенали.

Своего отца Люба увидела на полу. Как-то неудобно скрючившись, он лежал рядом с ней, в алой лужице. Она хотела придвинуться к нему, что-то спросить, но как только пошевелилась, нестерпимая боль пронзила все ее тело, и она снова впала в забытье. Потом все было как во сне. Она то проваливалась в мутную пропасть, то всплывала на поверхность, в серый рассвет с беспорядочной стрельбой.

Отца уже не было слышно, он не стонал. Приходила из погреба, где прятались люди, Вера, сестра. «Ты лежи, лежи, я здесь», — успокаивала она Любу, укрывая чьей-то телогрейкой. От Веры Люба узнала, что и мама умерла...

Галунь, небольшая деревня под Орлом, несколько раз переходила из рук в руки. Любу подобрал медсанбат. Больница в Ефремове. Бомбежки и снова кошмары — кругом стоны раненых. И вот наконец Москва, неузнаваемо суровая, замаскированная. Родного дома на Филях нет, сгорел, некому было гасить — Рябинины всей семьей в начале лета сорок первого поехали к бабушке в гости. Единственное пристанище — у Тони, старшей сестры. У нее крохотная комнатенка в переулке на Кропоткинской, в которой приютились уцелевшие Рябинины. На целый день ломтик черного хлеба и постный кулеш из проса и пшена. А Любе так хочется есть, так болит незаживающая рана. Хирург грозится отнять ногу. Девочке снятся по ночам бомбежки, снова слышатся стоны, а днем в голову лезут совсем недетские, тоскливые мысли... Чем так, уж лучше не жить.

Поднял, вылечил, вернул к жизни Любу Рябинину дом на Воронцовской улице.

Дети очень тихо, с широко раскрытыми глазами встретили девочку на костылях. Даже отчаянные сорванцы осторожно уступали ей дорогу. А непоседа Галка Иконникова, подойдя к новой подружке, вдруг у всех на виду захромала. Идет с Любой рядом, поддерживает ее под ручку и, чтоб той не было обидно, ковыляет.

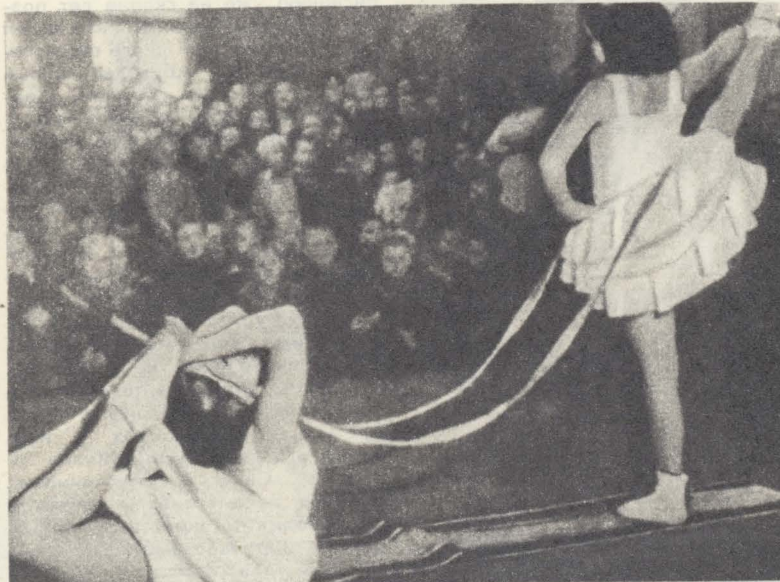
Галя с первого взгляда полюбила Любу, может быть, за ее беспомощность, за ее очень добрые светлые глаза. У Гали не было ни сестер, ни братьев, и оказалась она одна-одинешенька на белом свете. Мать лежала в больнице без всяких надежд на выздоровление, отец воевал, впоследствии дошел до Берлина. На девочку, одиноко слонявшуюся по московской улице, обратила внимание инспектор детских домов...

А Люду Олсуфьеву-Дегтяреву война осиротила дважды. Первый раз, когда ее с умирающей матерью — та была так слаба, что обронила хлебные карточки, — через Ладогу вывозили из блокированного Ленинграда в Красноярск. Но туда они не доехали. В Тюмени матери не стало. Девочку сняли с поезда. Детский приемник. Омск. Здесь Люду удочерила семья Олсуфьевых, эвакуированная из Москвы. Но и эту семью подстерегло горе. В сорок третьем году, когда Олсуфьевы вернулись в столицу, умер приемный отец Люды. Так она осиротела во второй раз. У старшей дочери Олсуфьевых, Ксении, обнаружилась открытая форма туберкулеза, и, чтоб оградить от заболевания, Люду определили в детский дом.

Неисповедимо дальние сибирские дороги привели сюда еще одну ленинградку, Валю Петрову. Игоря Осипова — его отец погиб под Москвой еще в сорок втором — привезла старенькая и немощная бабушка; Владу Чанке в том же году — тетя; братьев Лешу и Витю Матвеевых — родственники; восьмилетнюю Лиду Ким, дочь фронтовика, — чужая, незнакомая женщина из школы...

Спартака Михалева мать оставила прямо на перроне Ярославского вокзала, не успела оформить мальчика в детский дом — не хватило тех коротких дней, которые ей дали на фронте на похороны мужа. Христина Андреевна, мать Спартака, была хирургом, ее дивизия вела бои в Прибалтике, и она не имела права задерживаться...

Сколько детей жило в доме на Воронцовской улице, столько же и трагических судеб. О каждой из них можно было бы писать

Эта фотография из «Огонька» за 1948 год. Девочка, стоящая на одной ножке,— Валя Петрова.

Фото М. Савина

1979 год. Кого так обняла Татьяна Викторовна Федорова! Валентину Петрову. Возле них Любовь Рябинина, Галина Иконникова, Лидия Ким и Ольга Михайловна Стародубова.

Фото А. Бочинина

ШКИ И ДЕВЧОНКИ

книгу. И всех, всех породнил и пригрел этот дом. Он не только кормил и одевал — учил добру и труду, учил быть благодарными, уважать взрослых, любить детей и не ожесточил их сердца. Не случайно же некоторые его воспитанницы, и в том числе Любовь Рябинина, так тяжело пострадавшая от войны, избрали себе такие высокогуманные и трудные занятия, как воспитание больных детей в специализированных школах и интернатах.

У детского дома № 19 были замечательные шефы — метростроевцы, зиловцы, артисты Большого и других театров. Шефы были не гостями на Воронцовской, а своими, близкими людьми. Приходили сюда на праздники и в будни, возили детей на экскурсии и в походы, на спектакли и концерты. Это помимо оказания всяческой постоянной материальной помощи. А какие устраивались тут дни рождения! Какие пышные пироги пекли! Какие обновы, щедрые подарки — кому куклы и лошадки, кому наручные часы — готовили шефы счастливым виновникам торжеств! С одним таким днем, запечатленным в фоторепортаже Михаила Савина, «Огонек» познакомил своих читателей в 1948 году.

Много взрослых друзей окружало ребят. И все же душой всех празднеств, общей любимицей была председатель попечительского совета Татьяна Викторовна Федорова, тогда она работала начальником шахты. Ею гордились: она строит большую станцию метро на Новослободской, она депутат Верховного Совета СССР. «А знаешь, кем она начинала? Проходчицей, чеканщицей, комсомолкой, пришла на Метрострой одной из первых!» Ею восхищались: «Такая красивая, златокудрая, стройная!» Девочки просили постричь их, как Татьяну Викторовну. Собрав ребят в кружок, она рассказывала о Чкалове и Маресьеве, о Горьком и Станиславском, об Эжени Коттон, Хетагуровой и Паше Ангелиной. Не понаслышке — она лично знала их, встречалась с ними.

Под дождем, за три с половиной километра шли на станцию дети (хотя их к этому никто не принуждал), чтобы встретить Федорову, побыть с ней лишний часок, когда та приезжала в подмосковный пионерский лагерь «Березки». Позже в своей книге она напишет: «Я очень люблю детей, и, к великой моей радости, одарена и их дружбой и любовью».

Да, она очень их любила, и в те грозные военные годы, и потом, в мирные, — всегда. Радовалась их успехам, помогала определяться в жизни, выручала в затруднительных обстоятельствах. Лиду Ким и Владу Чанке считает своими дочерьми. Была посаженой матерью на их свадьбах и бабушкой их детей.

Сколько раз случалось так: позвоню Татьяне Викторовне, предлагая встретиться, а она в ответ: «Да не могу я. Сейчас ко мне дети, Лидушка с мужем, придут». Или: «Лёнечка в отпуск приехал!» Леонид Володин иначе ее и не называет, как только мамой или мамочкой.

Впрочем, почему «было», «любила», «отдавала»? Любит! Все это прекрасное есть сегодня, продолжается и будет завтра!

...На этот раз Татьяна Викторовна сама позвонила мне домой.

— Если можете — приезжайте в субботу к четырем часам на Воронцовскую, дом 30-а...

Она была там чуть не первой, так ей не терпелось поскорее встретиться с ними.

Пока ее «дети» украшали цветами зал, развешивали фотовитрины «Узнай себя», рисунки и остроумные объявления, она разговаривала с бывшими директорами детского дома, воспитателями, пионервожатыми.

Когда все было готово, на середину зала вышел горнист и, совсем как в те времена, сыграл сбор.

Отвыкшие быстро выстраиваться на линейку, несколько отяжелевшие «дети» беспорядочно толпились у дверей и по углам. И тогда энергичная молодая женщина в алом костюме решительно и задорно прокричала в рупор:

— Мальчишки и девчонки! В затылочек друг другу ста-но-вись!

Ну, конечно же, это была Лида Ким, неизменная с тех самых пор заводила. Ныне Лидия Пан Синовна Ким — старший инженер Торгово-промышленной палаты СССР, мать двух детей.

У многих гостей, знавших этих ребят еще в те времена,— среди них Елена Кононенко, писавшая о детском доме в «Правде», Лилия Гриценко, народная артистка республики, — блеснули на глазах слезы.

...Началась перекличка. Старшая пионервожатая Антонина Михайловна Федосеева называла фамилии, а я в своем блокноте приписывала к тем, которые мне были знакомы, род занятий. И вот что получилось:

Людмила Дегтярева-Олсуфьева — педагог; Галина Иконникова — преподаватель; Алексей Матвеев — крановщик; Леонид Матвеев — наладчик; Спартак Михалев — инженер; Анатолий Мишин — геофизик; Игорь Осипов — кинооператор; Валентина Петрова — тренер по плаванию; Любовь Рябинина — воспитатель; Борис Ткаченко — музыкант; Владилена Чанке — конструктор, Софья Шумлянская — директор средней школы...

Дети воинов, павших в жестоких схватках с врагом, дети фронтовиков, вернувшихся домой, дети военных лет не остались сиротами. Их вели ласковые руки Родины. Они достигли того, к чему стремились, что их заинтересовало и мило было им. Они нашли свое прочное место в жизни.

У каждого из них свои семьи, свои дети, свои заботы, но они сами считают себя должниками. Перед теми, кто их воспитывал, кто учил любить Тютчева и Некрасова, кто учил танцевать и сажать яблони, кто сидел у их изголовья, когда они болели, и встречал с пакетиком мороженого в руках, когда они приносили из школы в свой дом пятерки. «Мы, как тимуровцы, взяли шефство над своими воспитателями, директорами, пожилыми уже теперь вожатыми,— говорила мне Лидия Ким, — над всеми, кто в те годы заботился о нас, а теперь сам нуждается во внимании и помощи».

Такие они, мальчишки и девчонки военных лет!

Линейка через тридцать лет.

Тамара БЕЛЕВСКАЯ

И опять, в цветении сирени,
Узнаю через блокаду дней
Двор мой в фиолетовом горении
И полынный запах тополей.
Повторяет вновь земли окружность
Трепетные блики той весны,
Той поры, в которой наша юность
Запылала в кратере войны.
Вот и ты стоишь на пьедестале,
В бронзовой немеркнущей судьбе.
Мне подняться бы до этой дали,
Хоть чуть-чуть приблизиться к тебе.
Много их, моих ровесниц скромных,
Навсегда размолвленных войной,
По любви навек невест законных,
С вдовьей недолюбленной судьбой.
Вот опять в Москве пастельны краски,
Вьюжит цветом, память теребя,
Только ты стоишь один в Купянске —
Весны, весны, весны без тебя...
Молодежью скверики запружены,
Как светло любить сегодня им.
Я иду на улицу Химушина,
Названную именем твоим.

ЧЕЛОВЕК

Юван ШЕСТАЛОВ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Вечер. Звезды. Луна... За ледяным окном нашей избушки гуляет мороз. А в избушке тепло. И не только от огня, пляшущего в печи красной лисицей, но и от сказок Асьойки, моего дедушки.

— Долго ли, коротко ли, шел по земле Эквапыгрись, Сын женщины, и вот в одном дремучем уголке леса увидел избушку,— рассказывает Асьойка в лад потрескиванию огня.— Вошел в избушку. В переднем углу на полатях старик Медведь спит. Голова у него косматая, когти острые. Сын женщины взобрался на полати, рядом со стариком Медведем лег. А когда проснулся, удивился: рядом со своим дедушкой, оказывается, спал...

Вспоминая сказки дедушки, я теперь удивляюсь его странному мироощущению. Но тогда мне все казалось естественным. Асьойка не видел никакой пропасти между собой и миром природы. Между собой и животными он ставил знак равенства. Он, кажется, ни одного животного не считал глупее себя. В его сказках животные, как и люди, соединялись в семьи, в племена, имели различные языки... Человек, лось, медведь, журавль, осетр — это все люди, только они принарядились, чтобы скрыть свою сущность перед злыми духами. У зверей дедушка не только замечал чисто человеческие свойства, но находил и признаки превосходства: птицы летают, рыбы плавают, лоси бегают быстро, гагары предчувствуют непогоду... Считая все зверье как бы себе подобным, но порой даже превышающим силу человеческую, дедушка думал, что с животными можно воевать, мириться, можно им мстить, находить с ними язык дружбы и согласия. О согласии и гармонии говорилось во всех сказках дедушки.

Когда я слушал Асьойку, мне был ясен мир, мир животных и человека... Сегодня для меня все стало загадкой, и, размышляя над сказками дедушки, над его простым и странным мироощущением, я снова и снова думаю о человеке...

Солнце, низкое, похолодавшее солнце Севера, спряталось за серые, пушистые облака. Облака летят в синеве неба, как большие безмолвные птицы. Их серые тени плывут по Оредежу. Оредеж — речка не широкая, но красивая в любое время года. Весной в ее мутные воды глядится цветущая черемуха. Летом на узких полосках берегов, отвоеванных у гигантского леса, все буйно растет, зеленеет, цветет. А осенью, когда вода стынет, становится прозрачной, по ней хороводами плывут разноцветные листья.

Мы с Аркадием Арсеньевичем Лыбиным стоим на берегу Оредежа и смотрим на воду. На ее глади каждое дерево, каждый куст, каждая травинка имеет своего зеркального двойника.

— Осталась всего пара уток на нашем плесе. Хорошо, если их не убьют охотники,— говорит Аркадий Арсеньевич, задумчиво глядя на залив в камышах.— Но ведь стреляют не какие-то браконьеры, а люди с членскими билетами из Вырицкого охотничьего общества.

Потом я уж узнал, что эта часть поймы Оредежа вообще не имеет отношения к Вырицкому охотхозяйству.

В день открытия охоты здесь устраивают канонады. Да, именно канонады — множество выстрелов! А можно ли стрелять в какой-то сотне метров от домов? Вообще по закону Вырицкое общество охотников должно было бы заниматься охраной и воспроизводством дичи. Но они только бьют. Бьют нещадно!

И я читаю Аркадию Арсеньевичу стихи о браконьере:

А если жаден ты и зол
И вовсе безголов,
Проткну тебя своим ножом —
Ножом из гневных слов.
Пускай ослабнут у тебя
Колени, хворый пес,
Чтоб не топтал траву, губя
Десятки птичьих гнезд.
Ты за спиной уродский горб
Почуешь на бегу,
Когда свирепый твой топор
Начнет кромсать тайгу.
Пусть примет на десять когтей
Башку твою медведь,
Когда лососевых детей
Твоя наловит сеть,
И пусть, воздав тебе за злость,
Та молодь в рост пойдет
Внутри тебя — и рыбья кость
Насквозь тебя проткнет.
Будь рыболовом — с головой,
Охотником — с душой.

Аркадий Арсеньевич молчит, глядя задумчиво-спокойными глазами в сторону дальнего залива-озерца, которое мой сынишка когда-то назвал утиным плесом. И я вспоминаю то недавнее время, когда у ближнего заливчика, вода которого плещется у самой калитки нашей дачи, в белую ночь из камышей выплывали сотни уток с выводками. Утки совсем не боялись человека. Дикая, крылатая жизнь плескалась рядом с людьми, большинство которых каждое утро уезжали в город, чтобы создавать машины и работать с помощью машин.

И вот теперь за каких-то несколько лет все нарушилось, согласия с природой тут уже нет. И меня, как и многих моих товарищей по перу, тревожат сомнения: а возможны ли гармония и согласие с окружающей средой в век высоких скоростей и техники?

— Все вернем к жизни! — твердо говорит Аркадий Арсеньевич. И я ему верю.

Однажды он вернул к жизни лебедя, раненного браконьером. Собаки начали гонять упавшую птицу. Аркадий Арсеньевич поспешил на помощь. Сначала лебедь пытался уйти от него. Но, видно, почуяв, что не все люди пользуются силой техники для убиения, он прильнул к Аркадию Арсеньевичу, как к спасителю. И не ошибся. Человек выходил птицу.

Аркадий Арсеньевич по натуре своей спаситель, строитель, настоящий человек новой жизни.

В годы Великой Отечественной войны он отстаивал Родину, теперь — с 1950 года — работает в Ленинградском оптико-механическом объединении. Слесарь-сборщик по оптическим приборам.

Секретарь партийной организации цеха Виктор Денисович Иванов так охарактеризовал Аркадия Арсеньевича:

— Один из первых ударников коммунистического труда. Рационализатор. Занимается экспериментальными работами. Имеет личное клеймо качества, работает без контролеров. Учит молодежь. За успехи в труде награжден орденом Трудовой Славы III степени. Ведет большую работу по наведению порядка как дружинник. Рыболов. Любит водолыжный спорт... А в общем — душевный товарищ!..

За этой краткой характеристикой стоит многое. Несколько лет назад я сам был свидетелем его полета на лыжах по воде. А ведь он уже не молодой. Внук у него есть. И тоже просится на лыжи, хотя ему всего годика два.

Но главное, Аркадий Арсеньевич всегда придет на помощь — и человеку, и птице, и всему в природе: ведь она, природа, нуждается в разумном к себе отношении.

Сейчас на Западе стало модным утверждать, что в результате научно-технической революции человек деградирует. Мол, с тех пор, как человеку стали меньше нужны его руки, ноги, мускулы, он начал терять многое, что приобрел за миллион лет своего развития. Дескать, лишь в прошлые времена, когда люди бороздили моря без всяких приборов, ходили пешком, у них были могучие руки, сильные ноги, зоркие глаза, острый слух, и благодаря всему этому человек необыкновенно чутко воспринимал море, леса, ветер, солнце, звезды.

Глядя на Аркадия Арсеньевича, этого не скажешь. Он имеет дело со сложнейшими машинами, с точнейшими оптическими приборами. И думаю, что он отличает любые цветовые оттенки, замечает просветы самой минимальной величины, определяет на слух количество оборотов в моторе. И та же острота чувства — в общении с природой. Он любуется, как художник, вечерним закатом, наслаждается грибным настоем леса, чистой прохладой воды, светом солнца.

Связав свою жизнь с техникой, этот человек не потерял связи с природой. Да, возможно, он не похож на своего деда, даже на отца. В наши дни неизмеримо возросли информированность, образовательный уровень людей, возможности вмешательства человека в жизнь природы, в дела общества... Но, как и предки, Аркадий Арсеньевич свято относится к дереву, птице, живой воде.

Находить гармонию с природой помогает ему, как и многим советским людям, наше время, его гуманные законы, записанные в новой Конституции СССР.

В статье 18-й Конституции СССР говорится: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Эта работа началась еще в трудные годы гражданской войны.

На Неве, немного выше Ивановских порогов, от основного русла отделяется небольшая протока, обтекающая группу маленьких островов. Местность так и называется — Островки. С 1921 года здесь находится рыбозавод, занимающийся воспроизводством невского лосося.

На живописном островке небольшие деревянные постройки — вот и весь завод. Директор Павел Михайлович Персов вводит меня в курс рыбоводства.

— Всегда считалось, что улов зависит от рыбацкой удачи,— говорит Павел Михайлович.— А мы всей своей многолетней практикой старались доказать, что рыбацкое счастье можно планировать. Надежный и перспективный путь — рыборазведение. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что человек вправе разумно вмешиваться в дела природы. Ее своеволию и капризам можно противопоставить грамотный, экономически обоснованный и дальновидный подход к освоению водного царства.

И ПРИРОДА

А водное царство плескалось в небольшом помещении. Я вслушивался в журчание воды, и вдруг мне показалось, что средь высоких деревьев звенит река, играя светлыми струями. В струях плещется царь-рыба — лосось.

С любопытством вглядываюсь. И вижу: в непонятных для меня посудинах, называемых аппаратом Вильямсона,— икра. Почти полгода пробудут здесь икринки. И каждая икринка из минуты в минуту непрерывно будет омываться живой водой. Да, живой — насыщенной кислородом. Вода и воздух и вечное движение — вот необходимые условия, чтобы из икры развилась рыбка.

Мастера рыбоводства — а коллектив здесь небольшой, человек пятнадцать — внимательно следят не только за температурой (она должна быть все время одинаковой), но и за тем, чтобы в аппаратах не было участков, где икра находилась бы без движения.

И когда смотришь на игру струй, качающих, как в колыбели, будущую рыбу, с особой остротой пронзает тебя мысль, что основа всякой жизни — движение.

Неподвижность — мертвечина, небытие. Движение — жизнь. В свои семьдесят лет Павел Михайлович может сказать, что вся его жизнь была движением. Сорок восемь лет из семидесяти он отдал рыбному хозяйству Родины. После окончания специального учебного заведения по рыбному хозяйству в 1930 году начал свою деятельность на Камчатке и в Мурманской области. И вот уже тридцать шесть лет работает он на Невском рыбоводном заводе, первом таком в нашей стране, поставившем благородную и гуманную цель — помогать природе.

Павел Михайлович показывает альбом с фотографиями, на которых запечатлены меченые, «родные» экземпляры лосося, пойманные в разные годы в Неве рыбаками. Так что питомцы не уплывают навсегда в чужое море, возвращаются на нерест в реку, подарившую им жизнь...

— Невский и балтийский лосось, морская кумжа, ладожская и ручьевая форель — вот бесценное богатство водоемов ленинградской земли!

Это сказал мне Валентин Иванович Кондратьев, заместитель начальника Севзапрыбвода.

— Как вернуть былую славу нашим рекам? — размышляет вслух Валентин Иванович.— Мы над этим много думаем. Строим новые рыбоводные заводы... Но, мне кажется, этого недостаточно. Многое могут сделать рыболовы-любители. Общества рыболовов и охотников, обладающие немалыми средствами, имеющие большие возможности, могли бы взять это дело в свои руки. Как? Очень просто!

Несложный расчет показывает, что на малых реках строить большие государственные заводы невыгодно. Зато небольшие рыбоводные пункты, построенные без затей, а потому дешевые, оказались бы очень кстати. Пусть отвечают за них предприятия, крупные коллективы рыболовов и охотников. Пусть владеют маленькими заводиками, а не шефствуют над ними. Тогда все будет в лучшем виде.

Каждому такому мини-заводу, конечно же, нужен небольшой штат: техник-рыбовод, два-три рабочих, егерская служба. Средства? Они поступят от членов общества, от массовой продажи лицензий рыболовам-любителям. Подобный опыт кое-где уже имеется. Только надо это развить дальше, узаконить.

За рубежом так и поступают. В Финляндии, Норвегии.

Рыболовство сегодня, наверное, не столько промысел, сколько равноправная отрасль хозяйства. Пора пересмотреть веками складывавшиеся отношения между рыбаками и рыбой, между человеком и природой. Рыбак должен стать рыбоводом. Если этого не будет — рыбе конец. Конечно, и в дальнейшем станет развиваться строительство крупных государственных рыбоводных заводов. Но сколько могли бы дать для сохранения и приумножения рыбы хозяйское отношение любителей-рыболовов, творческая работа охотничьих обществ!

За последнее время я много поездил по стране, увидел нашу землю от Курильских островов и Сахалина до побережья Балтики и Черного моря. Могу свидетельствовать: во имя охраны природы делается государством многое.

Кое для кого слово «Тюмень» связано прежде всего с запасами нефти и газа. Но, оказывается, можно с успехом сочетать добычу нефти с рыбоводством, звероводством, сохраняя и приумножая природные богатства, если в основе всей хозяйственной деятельности человека лежит бережливость, чувство рачительного хозяина.

Недавно я побывал в низовьях Оби. Запомнилась мне беседа с Юрием Артемьевичем Долгих, первым секретарем Ямало-Ненецкого окружкома КПСС. Юрий Артемьевич спокойно, деловито говорил о миллиардах кубов добытого газа, о тысячах километров газопроводов, о новых городах, которые строятся сегодня на просторах Ямала. Слушал я Юрия Артемьевича, но думал о своем: а как природа, не забыта ли она здесь за всеми этими большими заботами? Не забыт ли олень и большая рыба, которыми славился наш Север?

— Низовья Оби — уникальнейший водный бассейн,— вдруг, будто уловив мои мысли, начал Юрий Артемьевич.— Природа здесь словно создала колыбель царь-рыбе — сиговым и осетровым. Муксун, сырок, пыжьян, нельма, осетр, сосьвинская сельдь... По запасу ценнейших сиговых рыб бассейн Оби самый богатый в мире. Сиговые рыбы плещутся и в Енисее, Лене, Байкале, в Великих озерах Америки, но ничего схожего по богатству с Обью там нет. И по количеству и по разнообразию пород стадо сиговых рыб нашей реки — единственное в мире.

Но быть богатым вовсе не значит быть расточительным. Ведь воды Оби подобны государственным кладовым. Их можно открыть и взять сокровище. Но брать надо столько, чтобы не оскудела казна. Теперь мы так и поступаем. Вылов рыбы строго зарегулирован. В год берем не более девяноста тысяч центнеров муксуна, нельмы, осетра, сырка, восемь — двенадцать тысяч тонн черной икры,— говорит Юрий Артемьевич.

На столе гостеприимного хозяина — нежные оленьи языки, малосольный муксун, пряная сосьвинская селедка. Кое-кто из товарищей по поездке впервые пробует не только строганину из нельмы, но и пряную сосьвинскую селедку, которую можно отведать лишь на берегах моей родной Оби... И за богатым столом я читаю стихи:

Ручьи звенят на всю тайгу
В моем родном краю.
И без ухи я не могу
Представить жизнь свою.

Вся сила в нас от обских рыб,
Крепки мы от ухи.
И мы без рыбы не смогли б
Писать даже стихи.

Кровь рыб, как камень, холодна,
Но наша кровь кипит,
Когда жильцов речного дна
Хозяйка потрошит.

В нас быстрота от резвых щук,
От них порыв и пыл.
А наш осетр, наш добрый друг,
Нас к важности склонил.

В нас нежность сосьвинских сельдей,
Напористость язя,
Живучесть с отроческих дней
У нас от карася.

Глаза тайменей молодых
Прекрасны, как цветки.
Мы детям подарили их —
Сынам моей тайги.

Твоя коса, как рыбий хвост,
Красавица моя,
Твой бисер ярче зимних звезд,
Точь-в-точь как чешуя.

Прыть хариуса-молодца
Нам по душе пришлась,
И от налима-хитреца
Есть кое-что у нас.

Плывет муксун меж скользких глыб...
Рыбак, нельзя дремать!
Так каждый день мы ловим рыб,
А им нас не поймать!

Ловить рыбу немудрено. Можно и все вычерпать. Но в словах Юрия Артемьевича Долгих, в делах здешних работников рыбной промышленности чувствуется большая забота о будущем. И если сегодня рыбы на Тюменщине вылавливается больше, чем когда-либо, то это не случайно. Здесь уловы растут в немалой степени благодаря рыбоводству. Построено несколько заводов для искусственного разведения сиговых пород. Человек берет под свою защиту миллионы икринок, которых в астрономических количествах пожирали в обычных условиях ерши, щуки, налимы.

Тюменская область сегодня славится не только газовыми и нефтяными реками, она к тому же стала инициатором эффективного использования внутренних водоемов...

При Советской власти под охрану государства был взят прекрасный уголок Северного Приобья — Малая Сосьва. Благодаря этому была сохранена и приумножена уникальная колония бобров, которых к моменту революции из-за хищнического истребления остались считанные единицы.

А теперь в связи с бурной индустриализацией Тюменской области здесь решено создать сеть заповедников общей площадью 2,5 миллиона гектаров. Утверждена схема размещения природоохранных объектов на территории области. Будет создано шесть заповедников, три республиканских и четыре областных заказника. В комплекс войдет научно-производственный стационар. Его задача — изучать промысловых животных и птиц, совершенствовать охотничье хозяйство.

В разработке перспективной программы мер по охране природы принимали участие многие хозяйственные организации и исследовательские учреждения. Организаторам заповедников пришлось учесть интересы нефтяников и газодобытчиков, геологов, строителей, транспортников.

В краю моего дедушки, с кладовыми нефти и газа, по-государственному подходят к дарам тайги и тундры, стараясь приумножить их и сохранить для будущих поколений.

И все же я снова обращаюсь к сказкам дедушки, к его странному мироощущению, когда он между собой и животными ставил знак равенства. По-моему, здесь есть рациональное зерно, утерянное современным человеком. Я, конечно, не призываю вернуться к воззрениям древних. Но ясно одно: современному человеку предстоит выработать новую концепцию своих отношений с окружающей средой. Он должен в сердце носить новую философию природы. Природу нужно рассматривать как равного партнера человека, а не как кладовую, из которой можно черпать, не давая ничего взамен. Основы такой философии заложены в нашей Конституции.

ВСТРЕЧИ С ИНДИЕЙ

Юрий ПОПОВ

Фото автора

Она многолика, эта страна. Ее нельзя даже приблизительно сравнить с какой-либо другой страной мира. Высочайшие гималайские вершины и рядом — плоская, как обеденный стол, равнина с петляющим по ней священным Гангом. Засушливое Деканское плоскогорье, а немного южнее — утопающие в зелени Керала и Тамилнад. И люди говорят на разных языках в разных штатах страны: на юге услышишь быструю журчащую, как горный ручей, речь темпераментных тамилов, на севере—спокойный, размеренный говор полных собственного достоинства пенджабцев. Разная одежда, разные танцы, разные лица, разные краски. Западная Бенгалия и Махараштра, Раджастхан и Орисса, Уттар-Прадеш, Пенджаб, Карнатака и другие штаты — все разнятся друг от друга.

И вместе с тем Индия едина. Все ее части, все национальности как бы переплетены общностью культурных традиций, исторического развития, колониального прошлого и общностью задач, вставших перед страной после ее освобождения от колониального ига. Это произошло немногим больше трех десятков лет назад. С тех пор Индия сильно изменилась. И хотя страна все еще находится на перекрестке веков, все еще дает себя знать наследие, оставшееся от прошлых времен, Индия обретает новое лицо. Это и новые фабрики и заводы, новые учебные заведения, новые люди, свободные от старых предрассудков. Были побеждены страшные эпидемические заболевания, косившие миллионы людей, более чем вдвое выросла грамотность, более чем в сто пятьдесят тысяч индийских деревень пришел электрический свет.

И еще одно: Индия стала играть одну из ведущих ролей в международных делах. Авторитет ее значительно вырос, и к ее голосу прислушиваются во всем мире. У Советского Союза с Индией установились отношения дружбы и сотрудничества, основанные на общем стремлении к миру, и эти отношения укрепляются с каждым годом, чему способствуют обмены визитами государственных деятелей обеих стран. Одной из крупнейших вех в развитии индо-советской дружбы было заключение между двумя странами в 1971 году Договора о мире, дружбе и сотрудничестве и визит Леонида Ильича Брежнева в Индию в 1973 году.

В марте нынешнего года состоялся официальный визит в Индию Председателя Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина, ставший новым шагом в дальнейшем сближении и укреплении дружественного сотрудничества между двумя странами.

* * *

Язык официальных сообщений о ходе тех или иных переговоров страдает, возможно, излишней лаконичностью и даже сухостью, но его сила — в четкости формулировок и глубоком содержании. Строчки из официального сообщения о начале переговоров между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Республики Индии М. Десаи: «Стороны с удовлетворением констатировали, что отношения между двумя странами плодотворно развиваются на прочной основе Договора 1971 года о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Индией, который отвечает долговременным интересам советского и индийского народов, целям укрепления всеобщего мира и взаимопонимания между народами».

Конкретный смысл этих строк раскрылся нам, когда началась поездка по стране. Город Ранчи, который до сравнительно недавнего времени никакими достопримечательностями, за исключением красивого озера и водопадов, не славился, теперь знают в Индии все. Здесь по соседству со старым, пыльным и тесным городом выросло одно из крупнейших предприятий современной Индии — завод тяжелого машиностроения, построенный в рамках советско-индийского сотрудничества. Официальной датой пуска завода в строй считается 1963 год. Я хорошо помню этот день, так как присутствовал на этом торжестве — в то время работал собственным корреспондентом «Известий» в Индии. Тогда начали производить лишь самое примитивное оборудование, а многие цеха стояли даже без крыш. Сейчас к заводу примыкает уже целый современный новый город с кинотеатрами, парками и скверами, зеленый, ухоженный.

Нам удалось побеседовать с директором завода в Ранчи Д. С. Джайном. Он работал раньше в частных фирмах с англичанами, французами, немцами и вот теперь здесь.

— Как вам работается сейчас?

— Вы знаете, лучше всего работать с вашими советскими людьми. Скажу о главном— дружелюбии и желании помочь. Это есть и у рабочих ваших и у инженеров. Поэтому в основном мы обходимся теперь своими силами. Ваших специалистов уже совсем мало осталось.

— А как идет производство?

— Мы уже удовлетворяем потребности в оборудовании для нашей черной металлургии, химической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения.

— Мы видели, у вас на заводе выполняется много заказов для Бхилайского металлургического комбината.

— Да, и должен вам сказать, что не меньше шестидесяти процентов поставок оборудования для расширения мощности Бхилайского комбината до четырех миллионов тонн стали в год производится на индийских предприятиях, в основном на нашем заводе. А ведь при строительстве первой очереди завода в Бхилаи эта доля составляла всего десять процентов.

Значительная часть продукции завода идет также на экспорт, и уже сам этот факт свидетельствует о высоком уровне и качестве производимой на заводе продукции. Семитысячный коллектив завода радушно встретил главу Советского правительства, который побывал в различных цехах завода и имел беседы с руководителями предприятия и с рабочими.

Директор завода Д. С. Джайн подчеркнул благотворность экономических связей Индии с Советским Союзом, в том числе и для завода в Ранчи.

— Ваша страна располагает высоким уровнем технических знаний в области организации крупного производства. К тому же широкие экономические связи Советского Союза открывают для нас хорошие перспективы взаимовыгодного сотрудничества не только на двусторонней основе, но и в третьих странах. Мы уже начали поставки оборудования в Венгрию, Югославию, Болгарию, на Кубу, в Турцию, Шри Ланка, где оно будет использоваться на предприятиях, сооружаемых при содействии вашего государства.

Предприятий, подобных заводу в Ранчи, построенных в рамках советско-индийского сотрудничества, насчитывается в Индии уже много десятков, и они вносят существенный вклад в дело модернизации Индии и развития ее экономики.

В ходе визита в Индию А. Н. Косыгин посетил целый ряд других предприятий. В городе Ананд он познакомился с деятельностью объединения «Амул», включающего около 900 кооперативных обществ по производству и сбыту молока, расположенных в радиусе до 60 километров от города Ананд в штате Гуджарат.

В одном из красивейших городов Индии, Бангалоре, находятся ведущие центры авиационной, электронной, станкостроительной, фармацевтической и ряда других важных отраслей индийской промышленности. Здесь же обосновалась и Индийская организация космических исследований, где с помощью советских ученых и инженеров был создан первый индийский искусственный спутник Земли «Ариабата». В Книге почетных посетителей А. Н. Косыгин оставил запись: «С большим интересом ознакомился с работами вашего центра. Здесь в сотрудничестве с Советским Союзом развивается космическая наука и техника независимой Индии, идет плодотворный процесс расширения знания людей об окружающем их мире. Пусть же научно-технический прогресс служит благу людей, повышению их благосостояния».

В результате визита А. Н. Косыгина в Индию был заключен целый ряд новых советско-индийских соглашений о торговле и сотрудничестве, которые принесут огромную пользу для народов обеих стран, для укрепления мира на нашей планете.

Еще несколько строк из официальных сообщений по поводу визита главы Советского правительства: «При обсуждении актуальных международных проблем стороны рассмотрели вопросы, связанные с укреплением мира и международной безопасности, прекращением гонки вооружений и разоружением, положением в ряде районов мира, в том числе в Юго-Восточной Азии. Особое внимание было

■

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин выступает на массовом митинге в Красном форте в столице Индии Дели ● Аплодисменты в честь индо-советской дружбы.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Пенджабская студентка ● Сари — красивая и элегантная одежда. ● Он принадлежит к религиозной секте сикхов ● Молодая поросль Индии ● Встреча на дороге ● Одна из улиц Амритсара ● Хотите посмотреть, как танцует мартышка!

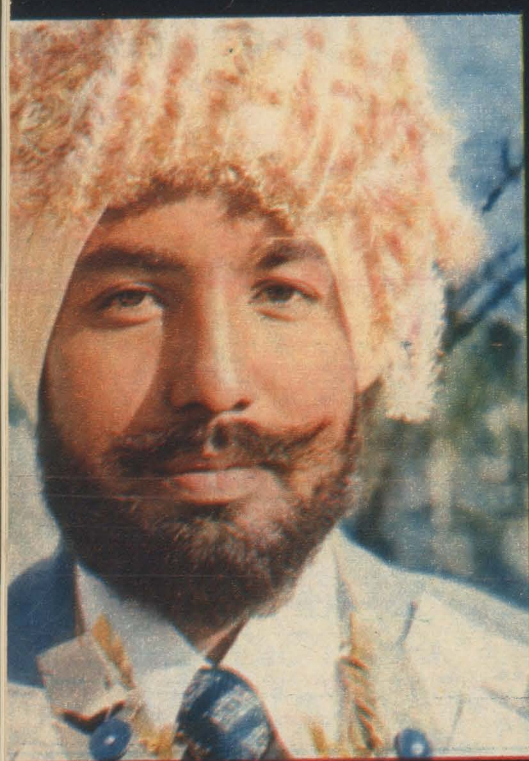

уделено рассмотрению положения, сложившегося в результате китайской агрессии против Социалистической Республики Вьетнам».

Авантюра пекинских лидеров против демократического Вьетнама всколыхнула все страны мира и особенно страны Азии. Для Индии все это было не в новость. Страна пережила еще в 1962 году нечто похожее. Под фальшивым предлогом с благословения еще здравствовавшего тогда «великого кормчего» Мао китайские войска напали на Индию и захватили ряд ее территорий, которые они продолжают удерживать по сей день. Упоенный властью наследник Мао Дэн Сяопин не постеснялся напомнить об этом уже сейчас, заявив, что Пекин, дескать, проучил Вьетнам так же, как он проучил тогда Индию. По поводу того, кто кого проучил, сейчас уже сомнений нет. Вьетнам отразил агрессию.

Но тогда провокации против Индии шли одна за другой. Я помню, как в 1965 году в пограничном княжестве Сикким китайские власти предприняли очередные выпады против Индии, заявив, что индийские части якобы совершили налет на китайскую территорию, захватили несколько отар овец и создали военные укрепления в пограничном районе. Индии был предъявлен очередной грозный ультиматум с требованием срыть эти «укрепления». Кто-то из остроумных и богатых людей в то время купил большую отару овец и погнал их по улицам Дели к китайскому посольству, и у каждой овцы болталась на шее табличка с надписью: «Сожри меня, но сохрани мир». Мне довелось в это время в составе группы иностранных корреспондентов побывать в Сиккиме. Никаких военных укреплений, угрожающих Китаю, там не существовало. Да и зачем их было создавать? Ведь тогда еще теплилась надежда, что пять знаменитых принципов мирного сосуществования, под которыми стояли подписи Чжоу Эньлая и Джавахарлала Неру, еще остаются в силе. Но это было не так. «Великий кормчий» и его последователи с поразительной легкостью растоптали и эти принципы, и всю сложившуюся в результате большой кропотливой работы систему международных отношений в Азии, определенных Бандунгским и другими международными соглашениями.

Пекинская авантюра против Вьетнама окончательно раскрыла цели политики пекинского руководства в Азии — политики гегемонизма и великоханьского шовинизма. Своей агрессией пекинские правители хотели продемонстрировать силу, запугать Вьетнам и другие страны Азии. На деле же получилось наоборот. Все увидели не только авантюризм, отмечал в своем выступлении по индийскому телевидению А. Н. Косыгин, но также полную несостоятельность китайской политики, ее бесперспективность.

* * *

Несколько ранее, в декабре прошлого года, Индию посетила делегация Советского комитета защиты мира во главе с академиком Е. К. Федоровым, который является сейчас председателем этого комитета. Мне посчастливилось принять участие и в этой поездке и убедиться еще раз, насколько серьезно обеспокоена индийская общественность действиями Пекина и насколько сильна тяга индийского народа к миру. За время пребывания в Индии члены делегации провели в общей сложности свыше 30 митингов, на которых присутствовало от 100 до 600 и более человек. Было проведено двадцать встреч с активистами движения за мир и членами Индийско-советского культурного общества. Выступать приходилось и перед учеными, и в студенческих аудиториях, и перед крестьянами и рабочими. И всюду главным вопросом был вопрос о сохранении мира на земле, о ликвидации военной опасности.

Во время встречи с индийскими парламентариями академик Е. К. Федоров рассказывал о деятельности советских сторонников мира, о всемирном движении миролюбивых сил и наиболее важных мероприятиях Всемирного Совета Мира, о развитии советско-индийского сотрудничества. Находясь в Бангалоре, делегаты выступили на проходившем в этом городе Всеиндийском семинаре адвокатов. На всех проводившихся встречах и беседах советские делегаты имели возможность всесторонне разъяснить основы миролюбивой внешней политики Советского Союза и его позиции по ряду международных вопросов.

Мир нужен, конечно, всем странам и всем народам. Но для Индии мир важен и потому, что только в мирных условиях страна может избавиться от бедности и от тяжелого наследия прошлого. Прошлое Индии богато, но оно не равноценно. Бесценные сокровища литературы — такие, как древние сказания Махабхараты и Рамаяны, содержат сведения о человеческом обществе на самой заре цивилизации и до сих пор изучаются учеными в самых различных частях мира. Замечательные памятники архитектуры привлекают сюда многочисленных туристов со всего света. Красочные танцы, чудесные пантомимы, разыгрываемые на мифологические сюжеты великолепными артистами, унаследовавшими искусство прошлых веков, вызывают восхищение самой придирчивой аудитории.

Но есть и другое прошлое — мрачное, косное, невежественное. Из этого прошлого пришли и астрологи, предсказывающие судьбу, и многочисленные садху — святые, утверждающие, что самое главное в этом мире — ничего не хотеть и ничего не желать. От этого прошлого осталась и кастовая система, освященная индуистской религией.

Как сейчас обстоит дело с кастами? Индийская конституция их отвергает. В городах деление общества на касты ослабевает. Нельзя не замечать этих перемен. Но пережитки в сознании людей искореняются, как известно, с большим трудом. А здесь даже в детских сказках, даже в легендах и поверьях можно услышать о кастовых законах.

В газетах можно еще встретить и такого рода брачные объявления: «Требуются две красивые, с образованием, невесты из пенджабских браминов для двух братьев (армейские офицеры)». Обращаться туда-то. «Требуется подходящая девушка для молодого человека из касты кхатри». Таких объявлений полно. Один из членов индийского парламента говорил мне: «Вы как следует никогда не разберетесь в нашей жизни и политике, пока не поймете кастовую систему».

Я так подробно останавливаюсь на проблеме каст, потому что она очень осложняет жизнь в стране и мешает ее развитию. В печати приводился такой случай. Три индуса из высшей касты избили молодого «хариджанина», как теперь в Индии называют «неприкасаемых». Его вина состояла в том, что его жена осмелилась набрать воды из их колодца. В ответ через несколько дней этот «хариджанин» собрал своих друзей, и они подожгли в этой деревне несколько домов, принадлежавших людям из высших каст. Этот случай говорит о том, что члены низших каст не хотят мириться со своим бесправным положением и требуют для себя полного равноправия, тем более что в Индии уже тридцать лет существуют законы, запрещающие объявлять людей неприкасаемыми и навязывать им только такую работу, которая считается грязной. Эти законы запрещают закрывать им доступ в храмы, к колодцам и поселкам высших каст.

Индия переживает сейчас ответственный период в своей истории. Проблем много — сложных, подчас трудноразрешимых. Но страна идет по пути прогресса, и ее успехи бесспорны. Нет сомнения, что, опираясь на сотрудничество с дружественными странами, в условиях длительного и прочного мира, страна может ускорить этот процесс, и темпы ее экономического, культурного и социального развития могут стать еще быстрее и ощутимее.

■

На заводе тяжелого машиностроения в Ранчи ● Он приготовился к свадебному обряду ● Это раджи и магарани. В жизни таких уж редко увидишь ● Сосуды с водой носят на голове ● Остановились поговорить о новостях ● Крестьянский дворик в Пенджабе.

Блокадные строки

Рашель **КОРОТКОВА**

●

Не надо мне солнца, не надо мне рая.
Мне б только прогнать забытье.
Мне только бы силы, пока я стираю
Залитое кровью белье.

Такая тяжелая эта работа,
Но трет-оттирает рука.
Оно задубело от крови и пота,
Белье автомотополка.

Зашлось мое сердце от гнева и боли,
Горит мое сердце, горит.
Вот с этим, быть может, училась я в школе,
А этот, наверно, убит.

Ах, мальчики, где вы? Ах, мальчики, что вы?
Вы горькое горе мое!
Ах, знали бы мамы, ах, видели б вдовы,
Какое стираем белье.

Мы молча стоим у замерзшей корзины
На ярком, как снег, чердаке,
Блокадные Настя, и Шура, и Нина
С тяжелым бельем на руке.

Блокадные Шура, и Настя, и Нина,
Белье мы развесим втроем,
Потащим к подвалу пустую корзину,
А после погреться пойдем.

Нальем кипяточку в железную кружку,
И он отогреет сердца,
Так чокнемся, девочки, выпьем, подружки,
Чтоб выстоять нам до конца.

Блокадного города солнце немое.
Белеет Нева вдалеке.
А как хорошо, что нас все еще трое
На ярком, как снег, чердаке.

Блокадные девочки, Нина и Настя,
Мои дорогие друзья.
Мы с городом вместе — мы выстоим.
Насмерть.
Иначе нам просто нельзя.

●

Топить уже нечем. Мы все сожгли.
Остались кровать да стены,
В разбомбленном доме в углу, в пыли
Мы ноты нашли. Шопена.

Холодный покой. Ледяной покой.
Кольцо голодной дремоты.
Подруга мне прошептала: «Спой!»
И протянула ноты.

Рука, когда-то умелая,
С трудом листала страницы.
Мне только казалось, что пела я.
Губам почти не раскрыться.

Разбомбленный дом, похожий на склеп,
Разбитый фонарь над аркой.
Ах, музыка! Ты заменила нам хлеб,
Костер небывало жаркий.

Сердце по-прежнему застучит,
Радость твою изведав,
Мы знали: от линии фронта, в ночи,
В город идет Победа.

Ленинград.

●

Михаил БЕЛЯЕВ

У ПОДВИГА МНОГО ИМЕН

●

Сибирским школьникам города Сайги, создавшим музей героев-краснодонцев.

Развернута память живая
Над Сайгою жаром знамен.
Здесь в школу войдешь, замирая,
Как будто войдешь в Краснодон.
Где рельсы вбегают бедово
В глубины Нарымской тайги,
Услышишь шаги Кошевого,
Разъявшего кольца пурги.
В Донбассе поднявший на катов,
Как пламя, горняцких ребят,
Он верил: на помощь ребята
Из грозной Сибири спешат.
Там нынче, жива и здорова,
Погибели злой вопреки,
Склонилась над партой Шевцова —
Ребячьи в руках дневники.
И нетерпеливо-весенний,
Как выструганный из ветров,
В помятой кепчонке Тюленин
Умчаться на лыжах готов.
Он подвиги всюду находит,
С друзьями он рельсы кладет,
И тверже на звезды выходит
Дороги надежный полет.
На подвиг со школы готовы.
У подвига много имен.
Он в битвах рождался суровым,
А нынче стал радостным он.
Он русского сердца раздолье!
И к лицам и к юным сердцам
Себя примеряет он в школе —
И юным становится сам.

●

Там, за селеньем, граница.
Дороги в ту сторону нет.
Бронзою светятся русские лица
Ребят девятнадцати лет.
Там, за селеньем, нервозно
Чужие солдаты кричат.
Весны Челябинска,
Шушенска весны
Растили границе ребят.
Там, за селением, жаждут,
Как хлеба, советской земли:
Целятся недруги
Шорохом каждым,
Бинокли к глазам приросли.
Там, за селением, рвется
Дорога. Мертва тишина.
Бронза на лицах ребят не от солнца —
От жаркой границы она.

●

Звезды ли задели
Тополь за домами?
Задымили ветви
Жаркими дымами.
Что ему приснилось
В полночь или утром?
Бел и переливчат,
Рассмеялся будто.
По земле, по крышам
Цветом разостлался.
Никого не слышал,
А всего касался.
Все равно кто рядом:
Человек иль птица.
Только бы до капли
Знойно излучиться.
Кто там дождь задумал?
Кто там ветер поднял?
Нежностью одарит
Целый мир сегодня.

●

И ветер стих,
И солнце пышет.
И птица птицу
Пусть услышит.
А ты забудь
О лесе белом,
О пне холодном,
Подгорелом.
Ну что такое
Мир весенний,
Не тронувший
Твоих коленей?
По шелку их
Не пробегавший,
С тобой до счастья
Не уставший?
Не отличу
Тогда я леса
От жестких заводей
Железа.
Шуми, весна!
Оставь, душа, мне
Возможность слышать
Нежность в камне.

●

Над Куликовым полем зовы к бою!
Невыносимо смертное, оно
Века насквозь раздвинуло собою.
Черно. Навеки кровью сожжено.
И груды тел. И свежих ран горячка.
И копий лес, растущий из плечей.
И конских табунов крутая скачка,
Подстегнутая рубкою мечей.
Где всадники? Гремят пустые седла,
И в конских гривах алы перья стрел.
И гневны ржанья. И притихли села.
И месяц в рослом дягиле присел.
И не закроют никакие травы
Упавших. В них — мечи по рукоять.
И нет через Непрядву переправы,
И можно только до конца стоять.
И ярче, повелительней и строже
Над душной сечей ратный зов трубы:
«Кто жив? Сойдитесь! Кто подняться может?
Восстаньте, вои, супротив татьбы!»
Встают! Державный стяг над головами.
Врубаются в тьму вражью горячей
И рубище крестьянское и пламя
Торжественнее княжеских плащей.
Нашлось оно за хлебными полями,
То Куликово поле на Дону,
Где смерть не смерть, а только честь и память,
И где стоять им не одну войну.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

В рябиновом парке покой.
Тишина.
Деревья в пылающих красках.
И юная мама —
Светла и нежна! —
Запела
Над детской коляской.
А рядом другая запела.
За ней
И третья склонилась
Над сыном —
И как поубавили в парке огней
И жара
Осенним рябинам.
И глянула ясная звездная высь
На спящих детей
Со вниманьем.
Сошлись колыбельные песни,
Слились,
И сблизились
Женщин дыханья.
И вот уже сделались песней одной
Счастливых красавиц и модниц.
Но мне показалось:
Поют надо мной,
Уставшим от долгих бессонниц.
И жизнь принимающий с песней острей
И песен без устали ждущий,
Я думал о маме ослабшей моей,
Уже надо мной не поющей.
О песни!
Какая не думает мать:
Сыны ей опорою будут
И песен не станут чужих занимать,
Слов матери
Не позабудут.
Сидел я меж ними
В раздумье немом.
И ласково женщины пели
О странно изменчивом счастье людском,
Качая детей колыбели.

СТАНЕТ ЛИ ОН ТОКАРЕМ?

Посмотрите четвертую страницу любой городской или районной газеты. Предприятия настойчиво приглашают токарей, расточников, фрезеровщиков. А где их взять?

Токарь стал весьма острой проблемой для многих производств. В этом году на нашем заводе, например, выпуск продукции увеличивается в полтора раза. Для этой цели создан еще один современный механосборочный цех. А вот достаточного числа станочников нет.

...С ребятами, которые готовятся к демобилизации из армии, наши сотрудники отдела кадров беседовали часто. Работа хорошая, оплата немалая, и с жильем устроить можно. Но город, где расположен завод, невелик — тихий районный городок Липецкой области. Водный бассейн? Искусственный каток? Драмтеатр? На подобные вопросы отвечают, к сожалению, всегда одинаково: нет, нет, нет.

Нет возможности набрать нужных рабочих и в ближайших селах. Завод сам помогает колхозам и совхозам района, направляя туда немало людей, которые помогают выращивать и убирать свеклу. Профтехучилища — тоже недостаточное для нас подспорье.

Где же тогда выход? Мне кажется, что пока еще школы слабо ориентируют своих выпускников на профессию заводского рабочего.

Ответ на вопрос «что выберет выпускник: завод или вуз?» во многом зависит от предприятия, от школы и родителей. Что касается родителей, то они чаще всего ратуют за вуз, и упрекать их за это не всегда следует. Но сам выпускник, не имея ни опыта, ни явно выраженной тяги к чему-либо, в большинстве случаев колеблется. Задача наша в том и состоит, чтобы еще в школе ученик безошибочно определил выбор профессии.

На нашем предприятии есть учебно-производственный участок, где занимаются более ста учащихся девятых и десятых классов. Преподают там заводские инженеры и техники. Ребята познают теоретические основы машиностроения, учатся разбираться в чертежах. Приходит к ним и заработок.

В ближайшее время мы думаем расширить учебно-производственный участок, оснастить его новым оборудованием, сборочными стендами. Это будет, в сущности, небольшой цех.

Казалось бы, результат достигнут. Но сколько выпускников школ, получивших специальность станочника, останется на заводе если не навсегда, то надолго? Трудно ответить на такой вопрос.

Есть и на заводе немало причин, в силу которых парень, став станочником, покидает цех. Всем, например, известно, что профессия токаря по сравнению с другими профессиями рабочих механосборочных цехов требует наибольшего физического и нервного напряжения. А заработок его частенько бывает ниже заработка слесаря того же разряда. В особенности остро это ощущают новички.

Мне кажется, что Госкомитету по труду и социальным вопросам пора изучить столь важный вопрос. Усилий самих заводов тут явно недостаточно.

Далее хочу сказать о том, как у нас популяризируют профессию рабочего. Вот хотя бы ежегодно проводимые многими газетами и журналами фотоконкурсы о нашем современнике. Большинство соискателей призовых мест посвящают свои работы мастерам... спорта, музыки, балета. Эффектно! А много ли снимков раскрывают красоту труда на заводе или фабрике? Или такой пример. Перед выходом артиста на сцену называют все его титулы. А выходит на трибуну рабочий, и редко когда скажут, кавалер каких он орденов.

Будет ли нынешний выпускник средней школы завтрашним токарем, зависит не только от него.

Н. ВОЛЫНЧИКОВ,
директор машиностроительного завода

Лебедянь, Липецкой области.

В зеркале социологии

Энергичный, подвижный, в чем-то похожий на студента, Юхан Кахк внимательно выслушивает вопросы. Только на один из них он как-то затрудняется ответить — о своей специальности. Историк по образованию (окончил истфак Тартуского университета), Кахк еще в студенческие годы был сотрудником городской газеты. Так, может быть, он журналист? В какой-то степени — да. Но, главное, Юхан Юханович одним из первых в Эстонии приступил к конкретным социологическим исследованиям. Он стремится поверить гармонию общественной жизни алгеброй марксистской диалектики. Его труд «Черты сходств» построен на математическом фундаменте конкретных социологических исследований...

Юхан КАХК, академик-секретарь Отделения общественных наук Академии наук Эстонской ССР, отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Александра ХАРЬКОВСКОГО

■

— Юхан Юханович, наука, которую вы представляете, со стороны может показаться большим зеркалом, отражающим жизнь общества. Однако зеркало ведь бесстрастно.

— Что ж, зеркало так зеркало. Только я бы сказал: чудесное зеркало, в которое, если посмотреть через призму ЭВМ, можно увидеть не только сегодняшний, но и завтрашний день нашей жизни. Ведь предметом социологических исследований являются и дети. А дети — наше будущее, граждане XXI века. Мир будет таким, каким его сделают они. А это, в свою очередь, зависит от идей, на которых они воспитываются.

Обратимся к такому деликатному процессу, как воспитание, обучение. Прежде всего мы учитываем, что ученика воспитывает не только школа — семья, товарищи, улица. Да если бы только они! Глаза и уши ребенка широко распахнуты в мир.

Не сделаю открытия, если скажу, что школьники любят смотреть телевизор. Однако у телевидения севера Эстонии есть одна особенность: здесь принимают также передачи с Запада, в которых демонстрируются боевики. К тому же эти передачи прерываются показом рекламы. Все это пропаганда западного «общества потребления», которая может задеть детские души.

Мы раздали школьникам анкеты, где просили их оценить разные явления, вещи, среди них дорогие советскому человеку, а также чуждые ему. Вопросы были поставлены вперемежку, так что связь с телевидением заметить было трудно. И что же получилось? Больше всего западные передачи впечатляют учеников младших классов. Их старшие товарищи, изучавшие уже и обществоведение и историю своей страны, дают верную оценку буржуазной пропаганде. И это нас, социологов, радует.

Социолог в чем-то напоминает врача, причем пациент его не отдельный человек — целое общество. Наше социалистическое общество морально и физически здорово. Отсюда и оптимистические выводы. Однако мы были бы плохими «врачами», если бы не замечали отдельные недуги, которые свойственны и вполне здоровому организму,— замечали затем, чтобы врачевать.

Вернусь к вопросу о воспитании нового поколения. Изучая рабочий день школьников 5—11-х классов, социологи заметили, что и по длительности своей (занятия в классах плюс выполнение домашнего задания) и по интенсивности он много труднее, чем у рабочих горячего цеха или у ученых. И вот здесь мы опасаемся, что многое из того, что ребенок изучает в школе, как бы минует его сердце.

Что делать? Как усовершенствовать процесс обучения и воспитания? Сделать ли некоторые предметы факультативными, давая ученику выбор? Ввести ли более раннюю специализацию, к примеру, естественнонаучные и гуманитарные школы? Шире применять обучающие, кибернетические машины? Над этим мы сейчас думаем, думаем упорно.

Однако и в этом обилии вопросов есть один бесспорный: лучше всего воспитаны те дети, которые больше времени проводят в семье. Но этому мешает шестидневная учебная неделя. Родители взяли бы в субботу сына или дочь, к примеру, в туристский поход, а теперь они и сами сидят в городе, ждут, пока дети придут из школы.

Где же выход? Мы в Таллине поставили эксперимент: ввели в одной из школ пятидневную неделю. Теперь наблюдаем, как сказывается на ее учениках большая нагрузка в остальные пять дней недели (выигрыш из-за совместного отдыха с родителями не вызывает сомнения). Если будет обнаружена большая перегрузка, то, быть может, придется удлинить срок занятий в такой школе на год. Разумеется, это станет возможным, если на такую же систему перейдут все школы республики.

Однако вот что интересно: нашлись родители, которым школьная пятидневка не понравилась,— они, оказывается, в субботу «отдыхают от своих детей». Вот вам и еще один поворот социологических исследований, который нельзя было заранее учесть.

— Не кажется ли вам, Юхан Юханович, что вы идеализируете семью: раз семья, значит, и ребенку в ней хорошо? А ведь семьи бывают разные.

— Да, идеализирую как человек. Но как социолог — нет. Семья — первичная ячейка нашего общества, и мы, ученые, уделяем ей пристальное внимание, вернее, должны были бы уделять. Потому что для того, чтобы заниматься ее проблемами, нужна смелость.

— Смелость?

— Да-да, социолог должен быть смелым, он должен давать добро рискованным на первый взгляд экспериментам, если в результате их может выиграть все наше общество.

Вот вам пример.

Подумайте, как трудно воспитывать детей работающей женщине. Представим, она инженер-проектировщик. Утром она отводит в ясли или сад ребенка, затем в переполненном автобусе мчится на работу, после окончания — в магазин и за ребенком. Глядя на такую «белку в колесе», ее молодая подруга может задуматься, иметь ли детей.

А теперь задумаемся: кому нужно, чтобы ровно в девять или десять ноль-ноль, когда некая звезда пересечет меридиан, тысячи людей должны пересечь порог проходной? Предприятию? Не всегда. Ведь не всюду же конвейерное производство. Самому работнику? Вряд ли: не случайно же ему то и дело приходится отпрашиваться с работы, то к врачу, а то и мастера по ремонту телевизора дома ждать. Транспорту? Ни в коем случае: от потоков в «час пик» задыхаются и автобусы и даже метро.

Рабочие, инженеры и ученые эстонского города Кохтла-Ярве подсчитали и решили, что лучше всего и для производства, и для людей, и для транспорта был бы не жесткий, а скользящий график рабочего дня, когда есть часы, которыми работник располагает по своему усмотрению. Такой порядок введен на некоторых предприятиях Кохтла-Ярве — там люди сами располагают большой частью своего времени, каждый имеет «банк времени», сэкономленные часы, нет у них боязни опоздать на работу, не нужно с нее отпрашиваться...

Мне бы хотелось подчеркнуть не только практическую, но и моральную сторону этого социологического эксперимента: люди сознательней относятся к своему труду, исчез тот «мелкий обман», ссылки на «больную тетю» и тому подобное,— в общем, все те оправдания, к которым прибегают некоторые не очень честные работники, когда им нужно опоздать или отлучиться с работы.

Однако, подчеркиваю, эксперимент в Кохтла-Ярве еще не окончен, выводы делать рано. И все-таки мне бы хотелось поддержать это начинание. И вот почему: скользящий график поможет матерям чаще и в удобное для них время бывать со своими детьми. Далее: с его помощью можно вовлечь в производство тех, кто может работать не полный рабочий день. Ведь рабочих рук в Эстонии, как и во многих других республиках, не хватает — значит, нужно вовлечь в производство, к примеру, способных работать пенсионеров.

— У вас, социологов, много проблем...

— Проблемы общие — те, что волнуют народ. Если вернуться к сравнению, что социология — зеркало, то наша задача — совершенствовать его, шлифовать, протирать, улучшать и обращать к тем проблемам, которые требуют решения в первую очередь. Так, чтобы в зеркале социологии отразился и день сегодняшний и день грядущий.

КУДА ПОВЕДЕ

Владимир КУЗНЕЦОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

ШЕСТЕРЕНКА

«Ревде» — теплоходу Дальневосточного морского пароходства, как, впрочем, и другим, повидавшим за два десятка лет корабельной жизни немало заморских портов, приходится иногда менять маршрут и присоединяться к рыбакам. И морские грузовики вместе с сейнерами, рефрижераторами, плавучими заводами и базами становятся как бы частями огромного механизма — рыбного промысла.

«Ревду» закрепили за ЮКЭ — Южно-Курильской экспедицией, самой крупной на Тихоокеанском бассейне. В состав ЮКЭ входит около трехсот судов, добывающих и обрабатывающих рыбу. Круглый год работают они, сменяя друг друга, вылавливая скумбрию, минтая, сельдь иваси, сайру.

На борт «Ревды» я поднялся в те минуты, когда последний строп опустился в трюм теплохода и второй помощник доложил об окончании погрузки.

Валентин Иванович Политов, капитан «Ревды», молча кивнул и, прищурив глаза, внимательно посмотрел на судовые часы.

— Так, значит, двадцать пять часов сверхпланового простоя на выгрузку и погрузку, плюсуем еще час на оформление документов по грузу, два — на предъявление властям...

— Озвучиваете мысли, товарищ капитан? — мягко улыбаясь, спросил старпом.

— Если я их даже экранизирую, то премию экипажу уже не спасу! — принял шутку Политов. И, помолчав, добавил уже командирским тоном: — Машине пятиминутную готовность, судно к отходу приготовить!

Капитанская каюта на "Ревде" не блещет комфортом. Маленький кабинет, он же приемная. Крохотная спальня. На полках книги, под стеклом на рабочем столе семейная фотография Политовых.

— Обидно, когда по каким-то причинам порт задерживает суда под обработкой,— начал разговор Валентин Иванович.— Мне думается, Находкинскому рыбному порту при его загруженности давно пора навести тут порядок. В море стараемся экономить часы, даже минуты, а в порту теряем сутки. «Ревда» уже сделала восемь рейсов. В океане сэкономили больше ста часов, учитывая только время обработки судна силами экипажа. Это наши внутренние резервы. В экспедиции выгрузка и погрузка тоже проходят зачастую с опережением графика. Заметьте, что работы ведутся в океане, где в любую минуту погода может внести свои коррективы. За эти восемь рейсов наш теплоход перевез триста тонн сверхпланового груза. Короче, экипаж заслуживает поощрения. Но одна деталь лишает его премии — рейсовые задания по уровню доходности выполнены только на 91 процент. Произошло это потому, что в Находкинском рыбном порту было 226 часов сверхпланового простоя только по вине порта. Страдаем не мы одни. Из-за несвоевременной поставки тары простаивают плавучие заводы, которые способны в сутки выпускать до двухсот тысяч банок консервов. Сейчас «Ревду» с нетерпением ждут в ЮКЭ, ждут банок, запасы которых весьма ограниченны, а на трех плавзаводах их вообще нет. Думаю, нетрудно подсчитать ущерб, вызванный задержкой судна в Находке.

С Находкой мы расставались вечером, когда город уже зажигал огни. В такие часы он особенно красив. Большая подковообразная бухта, кажется, излучает сияние, ласковым светом провожает суда, вселяя надежды на скорую встречу.

Буксиры, четко выполняя команды лоцмана, бережно отвели «Ревду» от причала и, развернув носом на выход, короткими гудками пожелали счастливого плавания.

Мы шли вдоль бухты, берега которой сплошь одеты в бетон причалов, где между морем и сопками разместились рыбный и торговый порты, два судоремонтных завода, жестянобаночная фабрика, морской вокзал и еще несколько предприятий, деятельность которых связана с морем.

«Ревда», пройдя мыс Поворотный, торопилась пересечь Японское море и проскочить Сангарским проливом в океан. На штурманских картах уже был проложен точный курс и рассчитано время. Но вдруг произошло неожиданное — теплоход резко сбросил скорость, как-то сразу все умолкло, насторожилось. Политов позвонил в машину. Ответили, что стармех поднимается в каюту капитана.

Тридцатидвухлетний Владимир Захаров в должности старшего механика утвержден недавно. Этот рейс в его стармеховской практике первый. Войдя в каюту, он виновато присел на край дивана и спокойным голосом доложил обстановку. Произошло непредвиденное. Дизель работал в режиме, когда в регуляторе оборотов появился подозрительный шум, причиной которого стала шестеренка, скорее всего от времени обломилось несколько зубьев, это и вывело из строя правый дизель. В ведомостях запасных частей подобной шестерни не значилось.

Оказаться в море с одним дизелем — дело далеко не из приятных. Никто не осудил бы Политова, прими он сейчас решение следовать обратно в порт, где нетрудно устранить поломку или найти шестеренку на складе. В конце концов капитан отвечает прежде всего за безопасность экипажа и судна. Но там, в ЮКЭ, очень ждут «Ревду», и каждый час ее задержки дорого обходится государству.

— Ребята предлагают восстановить зубья с помощью электросварки и напильника,— нарушил молчание стармех.

Я заметил, как встрепенулся капитан — появилась надежда. Радист принес карту погоды. Замысловатые черные линии на белой бумаге пока не угрожали, набиравший силу в Восточно-Китайском море циклон мог достать «Ревду» лишь через несколько суток.

И все-таки прежде, чем отдать распоряжение, Политов поинтересовался надежностью левого двигателя.

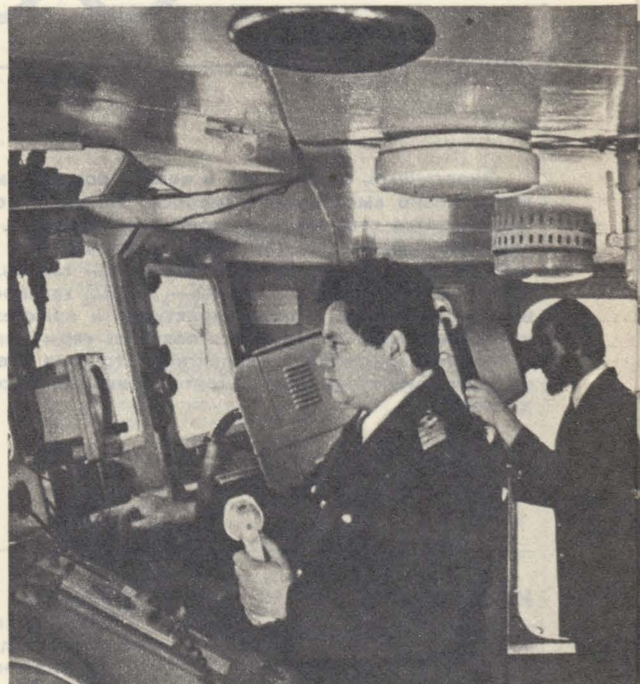
Когда старший механик снова спустился в машину, Володя Малышев, судовой сварщик, уже настроил агрегат и подбирал электроды. Больше суток «Ревда» шла черепашьим ходом, но шла в экспедицию. И все это время работали второй механик Сергей Дмитриев и моторист Владимир Игнатенко. Все почти делали вручную. Попробовали было на фрезерном станке — не получилось.

— Килограммчиков пять из моего организма пóтом вышло,— шутил после пуска правого дизеля Володя Игнатенко.

На рассвете четвертого дня «Ревда» уже стояла с наветренной стороны острова Шикотан. Вокруг бросили якоря плавучие заводы и базы, от которых челноками сновали мотористы, развозя груз из трюмов «Ревды».

НОЧЬ У ОСТРОВА ЗЕЛЕНЫЙ

Солнце появилось где-то к полудню. Над мачтами нерезко обозначился его оранжевый диск. Невидимые, еще слабые лучи сразу оторвали от волнистой поверхности океана туманную пелену. С появлением солнца стало светлее, веселее как-то. Радовала деловая суета на «Ревде» и вокруг. Привезенные нами банки одновременно брали пять плавучих заводов

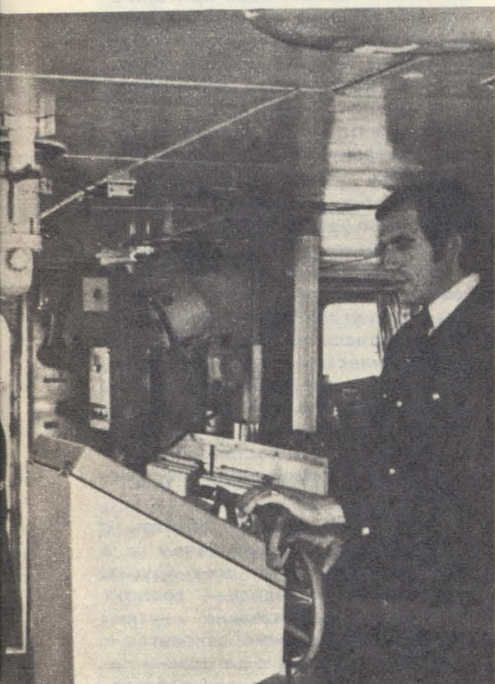
Капитан С. А. Иващенко на ходовом мостике «Стародубского».

Рыбаки на рейде Шикотана.

Т РЫБА

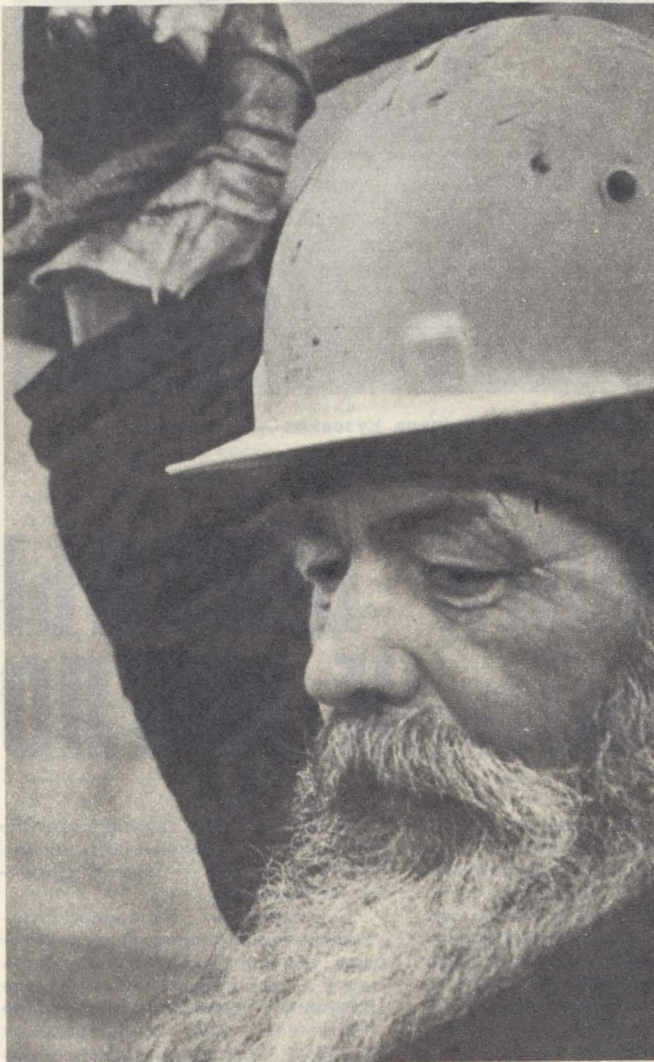

Ветеран рыбного промысла А. В. Малярчук.

В цехе укладки консервов.

Ночной улов «Стародубского».

и база. Доставленная «Ревдой» тара сразу шла в дело. Это стало заметно по оживлению чаек за кормой плавучего завода «Павел Чеботнягин» — завод начал работать.

По радиотелефону я связался с флагманским судном. Начальник экспедиции, когда я сказал, что хочу побывать на судах, добывающих рыбу, посоветовал подняться на СТР «Стародубское», добавив, что мотобот для пересадки на сейнер будет.

Мне здорово повезло: «Стародубское» входило в мои планы по многим причинам. Хотелось познакомиться с мореходными качествами этого современного судна, работающего практически на всех видах морского промысла. Оно может ставить крабовые ловушки, тралом брать глубоководную рыбу, ловить кошельковым неводом стремительную скумбрию и сельдь иваси, с помощью света и специальной ловушки добывать сайру, а благодаря специальной рефрижераторной установке добытый улов хорошо сохраняется.

Но главное — надо было встретиться с известным рыбаком, капитаном Станиславом Антоновичем Иващенко. Правда, пять лет его фамилия не появлялась на страницах местной прессы: с 1971-го по 1975-й Станислав Антонович помогал осваивать рыбный промысел нашим друзьям за рубежом. Вернулся домой, получил новый сейнер — и снова в море.

Мотобот подошел, как и обещал начальник экспедиции, точно в указанное время. И уже через пятнадцать минут я знакомился с капитаном СТР «Стародубское». Он, вежливо пропустив меня в свою каюту, вошел следом, деловито подсел к столу. Беседовали мы на рассвете, после нелегкой для него рабочей ночи в океане, у острова Зеленый.

— За ночь мы взяли четыре суточных плана,— рассказывал капитан.— А по сообщениям на капчасе, с десяток судов не подняли и центнера. Лов сайры специфический. Из-за быстрого ее перемещения обнаруженные косяки часто теряются. На мой взгляд, здесь у нас серьезное упущение. В период сайровой путины ее ловом занимается более полутораста судов. И каждое действует само по себе. Где капитан и штурман поопытней, там судно с рыбой. Молодежи гораздо трудней. И потом — сознательность, совесть рыбака... Говорю это к тому, что нашедший косяки рыбы не сразу даст в эфир свои координаты. Объявит об этом только тогда, когда уже набьет рыбой свои трюмы. А на косяке ведь могут работать сразу несколько судов... Думается, что назрела необходимость создания специальных флотилий. Сейчас мы снабжены отличными судами типа нашего СТР. А если объединить в одну флотилию десяток СТРов, обеспечить эту группу плавзаводом да на добывающем флоте производить оплату всем экипажам поровну?.. То есть применить своеобразный подряд на море. Тогда будем думать не только о себе, но и о соседях.

ГОРОДКИ НА ВОЛНАХ

К плавзаводу мы подошли с началом дня. «Павел Чеботнягин» стоял на якорях. Завод работал, делал консервы, одновременно готовая продукция перегружалась на «Ревду».

Сдав улов, Иващенко отвел «Стародубское» к Шикотану. Вечером он снова пойдет к Зеленому, а может быть, и дальше — куда поведет рыба.

Я остался на плавзаводе. Беседуя с капитаном-директором, тоже опытным моряком и рыбаком, Михаилом Филипповичем Советкиным, рассказал ему об идее Иващенко.

— Что же, закрепление постоянного добывающего флота за плавучим заводом принесет только пользу и добытчикам и обработчикам. Трудно представить, когда здесь, на плавзаводе, начинается и когда заканчивается рабочий день. Круглые сутки приемщики получают свежую рыбу. Часть ее разделывается, часть идет на склад — на случай, если добывающий флот по какой-то причине не сможет подвезти рыбу. Тогда в цеха пойдет резервная.

После заводского ремонта «Павел Чеботнягин» вот уже год находится в море. Меняются только экипажи. Южно-Курильскую экспедицию регулярно, точно по расписанию, навещают и пассажирские лайнеры, так что рыбак может уехать в отпуск, на берег в любое время года.

За минувший год завод изготовил около пятидесяти миллионов банок консервов. Плавучее предприятие — это городок на волнах. Здесь созданы все условия для нормальной жизни: есть магазины, кинозал, больница, библиотека, школа...

В цех мы попали, надев белые халаты, резиновые сапоги, накрахмаленные чепчики. По обеим сторонам конвейерных линий, размещенных вдоль бортов судна, стоят укладчицы. Ползут транспортерные ленты. На одних — лотки с кусочками рыбы, на других — уже закупоренные банки. Сейчас они пройдут посолочную машину, а после варки станут прекрасными консервами.

Это конечная цель Южно-Курильской экспедиции, ради которой дни и ночи работают в море рыбаки-дальневосточники.

Юрий **ЗУБКОВ,**
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Нахлебник». Елецкая — Г. Карелина, Кузовкин — А. Борисов.

ЛУЧШЕЙ ШКОЛЫ И БЫТЬ НЕ МОГЛО

Шестнадцать лет назад, в день вступления в партию Галины Карелиной, тогда совсем еще молодой актрисы Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина, произошел примечательный разговор между нею и секретарем партийной организации коллектива заслуженным артистом РСФСР Александром Яном.

— Почему вы работаете именно в нашем театре, Галя? — спросил Ян.— Что вас привлекает?

— Я учусь мастерству в этом театре у его прославленных корифеев,— ответила Карелина.— Я вижу на сцене Николая Константиновича Симонова, и меня восхищает романтическая взволнованность его игры. В другой вечер я наблюдаю за игрой Юрия Владимировича Толубеева и поражаюсь могучей силе его реализма... Вы не поверите, как много дает наблюдение за творчеством замечательных мастеров. Как помогает в поисках своего пути в искусстве...

Расставаясь со средней школой, Карелина не помышляла о сцене. Она стала студенткой юридического института и проучилась два года, но каждый свободный вечер отдавала театру. Подлинная «жизнь человеческого духа» раскрывалась перед ней в творчестве Николая Черкасова, Леонида Вивьена, Владимира Честнокова, Василия Меркурьева, Александра Борисова... Именно тогда и родилось у Карелиной решение стать актрисой, и не какого-либо иного театра, а непременно этого, Пушкинского. Карелина стала студенткой Ленинградского театрального института имени А. Н. Островского — ныне Института театра, музыки и кинематографии, в годы учебы продолжала бывать на спектаклях любимого театра... Перед выпуском получила завидное предложение сниматься в двухсерийном кинофильме в одной из центральных ролей, но тогда же директор Пушкинского театра — выдающийся мастер сцены К. В. Скоробогатов, возглавлявший экзаменационную комиссию,— увидел Карелину в роли Негиной в «Талантах и поклонниках» А. Н. Островского и предложил ей вступить в труппу прославленного коллектива. Она согласилась не колеблясь. Съемки в фильме пришлось отвергнуть — так и Скоробогатов сказал: или — или... Выбирать надо было: либо поиск популярности, может быть, шумного успеха, либо серьезное, трепетное отношение к сцене. Отношение, которое Карелина хранит и поныне.

Наблюдать за творчеством корифеев она продолжала и в театре,— вероятно, продолжает и сегодня, когда Галина Тимофеевна уже сама стала признанным мастером сцены, заслуженной артисткой.

В булгаковском «Беге» Карелина была занята лишь в массовых эпизодах, но всякую минуту стояла в кулисах, наблюдая за муками и блужданиями генерала Хлудова, которого с огромной трагедийной силой играл Н. К. Черкасов.

— Вот уже сколько лет с тех пор минуло,— говорит актриса,— а я не могу забыть черкасовскую игру, согбенную фигуру Хлудова, сидящего на высоком табурете в вокзальном зале, его поднятый воротник, недобрый, невидящий взгляд, полную, казалось бы, отрешенность от окружающего мира...

Но, конечно, основные наблюдения молодая актриса вела уже не из-за кулис, а в процессе непосредственного творческого общения с выдающимися мастерами на сцене. Высокая творческая самоотдача корифеев пушкинской сцены, их неумение работать вполсилы требовали и от Карелиной собранности, напряжения, неустанного самоконтроля.

— Они были очень разными, два великих Николая Константиновича — Черкасов и Симонов,— вспоминает актриса.— Первый был актером-трибуном, актером громадного политического темперамента, он одновременно и возвышал и подавлял своим величием. Второй же властно брал в плен непосредственностью своего отношения к жизни, к людям; увлекал в глубины сокровенных человеческих чувств, поражал неожиданным взлетом, тончайшим артистизмом.

В спектакле «Все остается людям» Г. Карелина играла роль медсестры Нади. Она появлялась всего на несколько минут в квартире тяжелобольного ученого Дронова, которого играл Черкасов, для ухода за больным. Дронов, поглощенный делами института, ее почти не замечал, раз или два на нее лишь взглядывал. Но на всю жизнь запомнились актрисе полные мысли глаза Дронова — Черкасова.

С Симоновым Карелина встретилась в спектакле «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана. Роль юной возлюбленной Маттиаса Клаузена Инкен, которую играла Карелина,— одна из центральных в пьесе. Симонов создавал образ человека возвышенной и чистой души, чей протест против мещанского, торгашеского духа, царившего в его семье, перерастал в бунт против надвигавшегося фашизма. Но, страстно и отчаянно бунтуя, этот взрослый ребенок был беззащитен; соприкасаясь с ним, героиня Карелиной и сама начинала чувствовать себя чище, богаче, начинала жить не для себя, стремилась защитить этого душевно хрупкого, ранимого человека. В ней словно бы пробуждалось материнское чувство, стремление спасти дорогого ей человека от посягательств звериного мира.

До сих пор до малейших подробностей помню я спектакль «Совет да любовь» В. Тендрякова. Очень непростая пьеса! В театре были колебания: ставить ее или нет. Все же решили поставить, чтобы прояснить свое отношение к такому сложному характеру, как Зосима Ярцев — главный герой произведения, председатель колхоза. Много он сделал в годы войны с фашизмом для победы. Но сегодня его метод — не убеждения, а приказа — явно устарел.

Ю. Толубеев наделял Ярцева громадной властной силой, которая нередко оборачивалась жестокостью. Его герой был настолько убежден в своем праве вершить человеческие судьбы, что не хотел замечать никаких перемен в жизни. И самым острым и страстным оппонентом и противником Зосимы была молоденькая колхозница Капа, которую играла Карелина. Думаю, что и она была не совсем права в своем юном максимализме, видя в Ярцеве одни лишь минусы и недостатки. Но как порывисто появлялась она, въезжая на сцену на велосипеде, как стремительно, едва притормозив, обрушивала на голову Зосимы гром и молнии! Здесь Карелина была уже не робкой ученицей, а достойной партнершей прославленного мастера,— она во многом определяла накал борьбы, эмоциональную температуру спектакля.

Во многих спектаклях довелось Карелиной выступать рядом с А. Ф. Борисовым, и среди них — в «Нахлебнике» И. Тургенева... Образ Кузовкина, человека без собственного угла, без копейки в кармане, Борисов наполнял глубоким гуманистическим содержанием. Это не был «маленький» человек, которого только и можно что пожалеть. Это человек, в котором пробуждался и нарастал гнев против сытых и самодовольных господ.

— Хорошо было работать с Александром Федоровичем и в этом спектакле и во всех других, где мы встречались,— говорит актриса.— Удивительно чуткий партнер, он бережно относится к товарищам, рядом с которыми находится на сцене, всегда заботится не о себе, а о своих партнерах.

Ольга Елецкая, незаконная дочь Кузовкина, героиня Карелиной в «Нахлебнике», стиснута обычаями и приличиями своей среды. Раба мужа, богатого помещика, она во всем ему подчиняется. Но был в спектакле момент, когда в Ольге — Карелиной под влиянием той бури чувств, которой охвачен Кузовкин, пробуждался человек... Впрочем, нет!.. Человек жил в ней всегда — добрый, чистый, честный, но беспомощный, несмелый, ничем не защищенный от пошлости и деспотизма окружающей среды... Страстно, порывисто обнимала Ольга своего отца, горячо припадала к нему и замирала... Это было лишь мгновение. Возможно, оно никогда больше не повторится в жизни Елецкой. Но и она никогда его не забудет. И мы, зрители, были благодарны актрисе, давшей нам возможность ощутить нравственную силу этой женщины.

Особенно полно и глубоко проявились эта сила, нравственные возможности в образе Юлии Тугиной, созданном Карелиной в пьесе А. Н. Островского «Последняя жертва». И снова актриса считает, что большим успехом, который принесла ей эта роль и в Ленинграде и у московских зрителей, она во многом обязана своему партнеру — незабвенному Василию Васильевичу Меркурьеву.

Для Прибыткова, которого играл В. В. Меркурьев, Юлия была олицетворением душевной красоты, человечности и благородства. Такой ее и играла Карелина. Не было в чувстве ее героини к молодому красавцу Дульчину ни наивности, ни экзальтированности. Актриса несла со сцены убежденность своей героини в праве на счастье, в праве самостоятельно решать свою судьбу И в те минуты, когда она проси-

ла у Прибыткова взаймы денег для Дульчина, не было кокетства, игры. Она видела в Прибыткове единственного человека, который мог стать ей защитой и опорой, охранить ее женское достоинство.

Тесным творческим содружеством с И. О. Горбачевым, несколько лет назад возглавившим коллектив Пушкинского театра, ознаменована сегодняшняя творческая жизнь Карелиной. В «Детях солнца», в «Иванове», в пьесе «Пока бьется сердце» мы видим актрису партнершей Горбачева на сцене, и снова творческое взаимодействие мастеров высекает искры подлинного искусства. Как и в Тугиной, раскрывает Карелина в Сарре («Иванов») высокое жертвенное чувство: они достойны друг друга — высокотребовательный к себе Иванов, не нытик и не хлюпик, а, напротив, человек, ежеминутно и беспощадно казнящий себя за преждевременную усталость, и женщина, отдающая все силы, чтобы помочь Иванову подняться, обрести себя... И оба они не умеют, не в состоянии защитить себя от наступающей на них пошлости.

Тему человеческого, женского достоинства несет Карелина, играя Елену в «Детях солнца». Героиня ясно отдает себе отчет в громадной одаренности, научной одержимости Протасова — Горбачева. И это для нее — решающее при определении своей судьбы, при решении вопроса, с кем ей быть. Она нужна Протасову — и в его поисках и в его горьких, обидных заблуждениях.

Внутренне конфликтен и образ поэтессы Майи Ольхиной из спектакля «Пока бьется сердце». Конфликтен в двух планах. Чувство к хирургу Крымову, спасшему Майе жизнь, сталкивается с его одержимостью делом, творчеством, громадной гуманистической, научной идеей, а именно так решает образ Крымова И. Горбачев. А стремление Майи к счастью, столь естественное для молодой женщины, совсем недавно побывавшей на грани жизни и смерти, сталкивается с чувством вины перед оставленным мужем, тем более что он попал в беду, пострадал в катастрофе... Г. Карелина, насыщая образ глубоким драматизмом, тонко передает сложность и богатство характера нашей современницы.

Разнообразная галерея женских портретов создана Карелиной почти за четверть века жизни в искусстве. Но сквозь все это разнообразие ясно ощущается общее, роднящее героинь между собою: утверждение человеческого достоинства, высоких моральных качеств, их человечности, духовной красоты.

Выросшая в общении с корифеями Пушкинской сцены, Карелина сегодня одна из тех, кто хранит, развивает и обогащает традиции родного коллектива. Много сил отдала она театру, будучи ряд лет секретарем его партийной организации. Она просто не умеет работать вполсилы, ничего не делает приблизительно.

Она сегодня в ряду тех, кто определяет творческое лицо театра,— вместе с А. Борисовым и И. Горбачевым, Б. Фрейндлихом и К. Адашевским, Г. Колосовым и А. Соколовым, А. Ефимовой, Л. Штыкан и другими ведущими мастерами Пушкинской сцены.

КАНТЕЛЕ ТОТ ЗВОН ПРЕКРАСНЫЙ...

Поезд от Москвы до Петрозаводска идет пятнадцать часов. От Петрозаводска до Юшкозера — небольшой деревни в пограничном районе Карелии — еще пятнадцать. Неторопливо пыхтит паровоз, останавливаясь у каждого разъезда.

На этой северной земле все существует полной мерой: леса тут до неба, бесчисленны озера, и каждое совершенно; их столько, что, кажется, горизонт отодвинулся, а там, за лесом, ясная, светлая вода. Мириады островов — больших и крохотных; всюду болотные сосенки и сосны-великаны.

Я еду по Карелии и знаю, что песни, которые мне предстоит услышать, будут так же неповторимы и прекрасны, как древняя эта земля.

Деревня Юшкозеро стоит на трех островах. Мы сидим в клубе с заведующей Галей Ковиной и ждем, пока соберутся с этих островов участницы здешней самодеятельности.

Когда они одна за другой появляются, Галя вся заулыбалась, расцвела: «Костюмы у нас!.. Мы за них премию получили!» И опять вдруг посерьезнела. Гармониста нет. «Пойду позвоню»,— взлетает Галя. В деревне, оказывается, во многих домах есть телефон.

Пошла кадриль! И забыли женщины, что немолоды, что внуки есть. Ноги легки и быстры, руки летящие, плавность, стремительность...

— Ну пенсионерки! — У Гали, которой чуть за двадцать, удивление смешано с восхищением.— А в Петрозаводске, на смотре, как плясали!..

Спрашиваю: не страшно ли было? Ведь огромная сцена, в зале люди незнакомые... Галина Александровна Патракова сперва согласно кивает: конечно, страшно. А независимая, бойкая в танце Мария Осиповна Ульянова оспаривает подругу: «Нам бояться нечего: плясать начнем — не остановишь».

Расплясались, разошлись они, и вот уж поют в полную силу. «Батюшки, вторых голосов-то не хватает!» — И Галя стремительно кидается на сцену: петь вторым голосом.

...Стоит деревня посреди озера. О волнах его, прозрачных, светлых, написала юшкозерская поэтесса Мэри Туйску стихотворение «Звенящая волна». А композитор из Финляндии Тойво Кярки написал музыку. Получилась песня. Поют ее женщины нежно, трепетно. Я карельского языка не знаю, но чувствую, что есть в этой песне лесистые холмы на берегах Юшкозера, серебряные, старого дерева мосты между островами, черные лодки на озерных протоках, большая спокойная вода... Так бережно поют о том, без чего жить нельзя. О земле, на которой вырос...

— Мы много песен знаем таких же красивых,— говорит Галина Александровна.— Иногда до самой Калевалы едем и все поем...

Четыре часа идет автобус до Калевалы, которая, конечно же, стоит у озера: в Карелии, по-моему, иначе и не бывает.

Вейкко Федорович Пяллинен, заслуженный работник культуры КАССР, композитор, руководитель и главный дирижер народного ансамбля «Кантеле», уверен в себе, в движениях нетороплив. Взгляд ироничен, но когда начинает говорить об ансамбле, ирония пропадает. Словно о любимом ребенке рассказывает. «Кантеле» — действительно детище Пяллинена. Как пришел с войны, так с тех пор и занимается ансамблем. «Я тогда вечером приехал, в одиннадцать часов, а утром председатель исполкома разбудил: принимай Дом культуры. Народу в хоре было сто четыре человека: телевизора, кино не было, а людям вместе быть хотелось, вот и пели все. Сам был и музыкантом, и режиссером, и дирижером».

Потом от Марии Николаевны, жены Пяллинена,— она тоже поет в ансамбле — я узнала, что в войну раненому ее мужу дали отпуск и он приехал к ней. Они и в эвакуации организовали ансамбль. «Вейкко за двадцать километров ходил в детский дом: ребятишкам играл. Мы концерты давали в фонд обороны».

Дом культуры в Калевале стоит на самом берегу Куйтоозера. Изысканность карельской красоты уже привычна для меня, но все равно замечаю розовые стволы сосен с прозрачными, как на древних восточных гравюрах, кронами; озерная вода синее неба... Из века почиталась за счастье гармония, согласованность между природой и человеком. Пользу и красоту черпал человек из окружающего мира и складывал песни, созвучные этой красоте... Песни всегда были продолжением родной земли: неба, озер и сосен... Ведь и древний эпос «Калевала» тоже идет отсюда, из этого неторопливого, просторного края. На кантеле играл герой «Калевалы», старый Вяйнямейнен, под его музыку

Распевал свои он песни,
Песни мудрости великой.

Кантеле больше двух тысяч лет, и напоминает он крыло летящей птицы. Маленькие кантелисты из Калевальского ансамбля серьезны — как и положено детям, если они занимаются делом, которое им нравится.

Рассказывать о том, как поет хор, как звенит кантеле,— бесполезное дело, хор — словно один человек. Они слышат себя и чувствуют красоту песни; они торжественны и счастливы.

Ольга Антоновна Лафьева — звонкое, прозрачное сопрано, годы над ним словно и не властны. Спрашиваю у нее: «А профессиональной певицей быть не хотели?» И вдруг — чуть ли не со слезами: «Мама рыбачкой была. Меня брала с собой рыбачить. Я плакала: «Мама, петь хочу». «Нет, рыбачить будешь».

Морщинистое лицо ее серьезно и печально: «Переучиваться уж поздно было. Да я и не захотела,— не смогу, думала...»

...Вдруг лицо Ольги Антоновны светлеет:

— У меня пять тетрадей — почти пятьсот песен, я сама их записываю, сама разучиваю. Такую красивую сейчас учу...

Напела — и серебряно рассыпался ее голос. Голову вскинула, посмотрела на меня чуть свысока: могу еще...

Сила народа, красота народа — в его истории. Не нова мысль о том, что быть истинно современным можно, лишь глядя на настоящее сквозь призму прошедших веков. Как еще часто бросаемся мы драгоценным, забывая, что это наша с вами история. Но творческое могущество народа, его духовное богатство растут из поколения в поколение, передаются от отцов к детям. Дети прибавляют к нему свой опыт, свой вклад, так же, как сделают потом дети их детей... И многие еще услышат воспетый в «Калевале»

Кантеле тот звон прекрасный,
Вечную его отраду...

Л. ЛУКЬЯНОВА

Фото В. Шияновского

ПИСЬМА АВТОРА «СОЖЖЕННОЙ МОСКВЫ»

В. ЕНИШЕРЛОВ

«Вечером двадцать пятого августа, накануне Бородинского боя, главная квартира князя Кутузова находилась на Михайловской мызе, при деревушке Астафьевых, Татариновой, в четырех верстах от Бородина. Здесь под ночлег старого фельдмаршала был отведен брошенный хозяевами небольшой, в один этаж, но весьма удобный господский дом.

Ручей Стопец, впадающий в реку Колочу, у Бородина, отделял Татариново и Михайловскую мызу от лесистых высот, на которых командир правого крыла армии Милорадович расположил для предстоящей битвы свои отряды. Отсюда в сумерках влево за ручьем, у деревни Горок, виднелись на холмах огражденные завалами батареи, а невдали от них белели палатки пехоты, егерей и артиллерии Багговута. Далее, вправо, из-за березового леса, поднимались дымки с костров драгунов, гусаров и уланов Уварова, спрятанных в запасе у склонов к соседней Москве-реке. Прямо против Татаринова и Михайловской мызы, в полуверсте за ручьем, на пригорке, среди просеки, виднелись коновязи и слышался говор казачьих полков Платова».

Эти строки предшествуют описанию Бородинского сражения в книге известного русского писателя Григория Петровича Данилевского «Сожженная Москва». Михайловская мыза — небольшое имение, принадлежавшее старинным друзьям писателя, семье Полянских. В обширном архиве этой семьи сохранились записи Николая Ивановича Полянского — межевого инженера, преподавателя Межевого института в Москве, многочисленные рукописи стихотворений, прозаических произведений и мемуары его сына, литератора Николая Николаевича Полянского, а также 150 писем Григория Петровича Данилевского Полянским. Отрывки из некоторых впервые публикуются в этом очерке.

Недавно исполнилось 150 лет со дня рождения Г. П. Данилевского, автора широко популярных в прошлом веке в России романов «Беглые в Новороссии», «Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва» и других. «Можно смело сказать, что в ряду наших современников, художников, писавших исторические романы, исключая, конечно, графа Л. Н. Толстого,— Григорий Петрович Данилевский занимал первое место»,— писал некогда журнал «Русская мысль».

Он родился 14 апреля 1829 года в имении своей тетки А. И. Антоновой, в селе Даниловке, Изюмского уезда, Харьковской губернии. Детство Данилевского прошло в сельской тишине старинного имения его деда, селе Пришибе близ Донца. По странной случайности русской азбуке обучал его по замасленному букварю с картинками семидесятилетний часовщик, наезжавший в имение отца и деда для починки часов. В то время Григорию Петровичу было пять лет. Тогда же он узнал Гоголя — «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Отец Григория Петровича умер, когда сыну едва минуло десять лет. Мать его вышла вторично замуж за командующего Нарвским гусарским полком Михаила Михайловича Иванчина-Писарева. Учась в Москве в университетском пансионе, Данилевский подружился с племянниками Иванчина-Писарева Смирновыми, а дружбу с М. Н. Смирновой перенес позднее на ее мужа Николая Ивановича Полянского и его семью.

В 1849 году Г. П. Данилевский, студент Петербургского университета, молодой литератор, был арестован по делу Петрашевского. П. А. Плетнев, доброжелательно относившийся к Данилевскому, писал его матери, что причиной ареста явился интерес Григория Петровича к запрещенной литературе. У него были найдены книги с «неблагомеренными отметками». До 10 июля просидел он в Петропавловской крепости, а затем был освобожден.

После окончания университета Данилевский значительно расширяет круг литературных знакомств, свои малороссийские сказки он читает осенью 1850 года Гоголю. Вообще же литературой начал Г. П. Данилевский заниматься, когда не было ему еще и двадцати лет. 25 октября 1889 года он пишет Н. Н. Полянскому: «Начал я писать ранее, а в 1846 г. напечатана моя первая вещь в «Иллюстрации» Кукольника (стихотворение «Весна» без подписи)».

Далее писатель сообщает подробности о давнем времени, когда он переводил «Цимбелина» и «Ричарда III». Он упоминает в письме имена друга Пушкина П. А. Плетнева — ректора Петербургского университета в годы, когда обучался там Данилевский, и Губера—поэта-переводчика, работавшего в пушкинском «Современнике» и других журналах (главный его труд — перевод 1-й части «Фауста», местами редактировавшийся Пушкиным): «Если П. Д. Боборыкин решит все-таки ставить «Цимбелина», то заметку о нем можно добавить словами, которые я забыл вставить в предисловие к переводу..., а именно, что П. А. Плетнев посоветовал мне, еще студенту, перевести эту вещь, как любимую Пушкина, который удивлялся, что везде идет «Ромео и Джульетта», а этой в России не знают на сцене, и все собирался заказать ее перевод в стихах для своего «Современника» Губеру».

Безусловно, наибольшее внимание привлекают письма Данилевского, относящиеся к созданию его исторических романов. Так, в марте 1882 года он рассказывал, что работает над романом о 1812 годе:

«Сообщи мне чертежик карандашом, где твой участок под Бородиным. Я купил план Генерального Штаба местности Бородина и не нашел твоей усадьбы. Не тут ли она, где я поставил красный крест. И откуда означенная дорога в Можайск (приведен небольшой плансхема окрестностей Бородина. — В. Е.). Очень одолжишь, если опишешь мне местность, виды — от Можайска до Бородина (холмы, поля, лески, ручьи, поселки) — вообще вид с птичьего полета. Задумал повесть «12-й год» и летом побываю у тебя и в усадьбе Усовых».

Данилевский выполнил свое намерение посетить Бородино и его окрестности. 8—9 июля 1885 года он был в Бородине, останавливался в том самом доме, где квартировал Кутузов.

В результате этой поездки в романе появилась картина Бородинского боя, о чем сообщает автор Н. Н. Полянскому: «Очень буду рад, если ты и твои останутся довольны вставленною мною картиной бородинского боя, с уголком Михайловской мызы. Пусть любимое, дорогое место твоего отца станет через меня знакомым всей читающей публике. Тень твоего, любимого мною отца да утешится этим».

Вот заключительные строки этой картины:

«Стемнело. Кутузов к ночи переехал в дом Михайловской мызы. Окна этого дома были снова ярко освещены. В них виднелись денщики, разносившие чай, и лица адъютантов... Взвод кавалергардов охранял двор и усадьбу. Адъютанты и ординарцы фельдмаршала, беседуя с подъезжавшими офицерами, толпились у крыльца. Разложенный на площадке перед домом костер освещал старые липы и березы вокруг двора, ягодный сад, пруд невдали от дома, готовую фельдъегерскую тройку за двором и невысокое крылечко с входившими и сходившими на нем».

Н. Н. Полянский активно помогал Г. П. Данилевскому в работе над романами, в частности над «Сожженной Москвой». Он читал рукопись, правил стиль, посылал в Петербург замечания.

«Получил я письмо твое с рукописью, милый друг Николай Николаевич, и благодарю тебя за заметки. Я вскоре через тебя (дня через два) вышлю рукопись снова с переделанною сценой последнего свидания Авроры и Перовского и с переделанным отчасти концом... Напиши мне... еще что-либо из твоих заметок, которые все одобряю».

О том же и следующее письмо:

«Начало теперь у меня иначе будет: герои являются еще не помолвленными, героиня всматривается в героя и, только после изменения в его взгляде на Наполеона, после его горячего отклика на общий возглас: «на врага» — дает ему слово и благословляет его на поход. Под Бородиным тоже перемена; я нашел более верные предания, что сожжено было не Ратово, принадлежащее тоже родным Усовых, а прямо усадьба Нового села или Новоселовки Усовых, и у меня является не псевдоним, а прямо Митя Усов, умерший в доме этого села, сожженном вслед за его похоронами. Явится теперь и дом вашего Михайловского с квартирующими в нем кавалергардами Лаврова и прибавится страница боя самого, клочок колоссальной картины, которую я было совсем обошел».

Такова история сильной сцены романа «Сожженная Москва», где описывается возвращение в Новоселовки раненого Мити Усова, его смерть и уничтожение усадьбы Усовых.

...Теперь остается сказать еще несколько слов об адресате Данилевского — Н. Н. Полянском. Его стихи и проза говорят о безусловном литературном даровании. Содержательны и мемуары Н. Н. Полянского «История моей семьи»— талантливо написанный очерк, где рисуется картина московской и усадебной жизни XIX века. Много живых колоритных зарисовок и в его «Московском альбоме», «Песнях о деревне», повести «Варенька Полубояринова».

Дом на Михайловской мызе близ Бородина.

Публикуется впервые.

М. Бельский. Род. 1922. ВЕСНА 1945 ГОДА.

П. Еременко. Род. 1915. ВЕСНА 1945 ГОДА.

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

Возвращение резидента

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 6

ПОД МАЛЬТИЙСКИМ КРЕСТОМ

Сначала необходимо дать место политической хронике, хотя бы несколько строк.

В то время народ одной из последних колоний некогда обширной Португальской колониальной империи вел упорную вооруженную борьбу за свою свободу, за образование независимого государства.

У наследников фашистского салазаровского режима дела обстояли плохо. Насильно завербованные солдаты дезертировали из армии при первой подходящей возможности. Приходилось вербовать наемников.

Наемники были разные — в зависимости от задач, которые перед ними ставились. Плата тоже колебалась, и амплитуда достигала значительных размеров. Являлись рядовые обученные, которым красная цена была в пересчете на доллары двести в месяц. Но были и профессионалы, подобные Карлу Гейнцу Вайсману из Нюрнберга, которым надо платить по тысяче и больше, ибо эти умели не только подчиняться при совершении кровавых акций, но и командовать. И платили всем этим людям не напрасно: там, куда их отправляли, шла война не на жизнь, а на смерть. Тот, кто вербовался в погоне за острыми ощущениями и экзотикой, получал их сполна. Иногда за недостатком современного оружия африканцы стреляли из луков длинными оперенными стрелами с наконечником, несущим кураре — яд, парализующий дыхание.

Когда Михаил Тульев посетил лиссабонское так называемое агентство по распространению печати, там было малолюдно, и к нему поначалу отнеслись с вниманием. Однако человек в светло-сером костюме, к которому его проводили, смотрел на Михаила без всякого интереса.

— Сколько вам лет?— спросил он.

— Сорок,— ответил Михаил и отметил про себя, что ему явно не поверили.

— Национальность?

— Русский.

— Откуда прибыли?

— Из Франции.

— Перемещенный?

— Нет. Мой отец эмигрировал из России в восемнадцатом году.

Светло-серый откинулся на спинку кресла, посмотрел на Михаила как бы издалека.

— Кто вам дал наш адрес?

— Его фамилия Гейзельс. Он из Бельгии.

Светло-серый побарабанил пальцами по столу и спросил:

— Как вы думаете, сколько мне лет?

Михаил решил польстить:

— На вид тридцать.

В ответ он услышал неподдельный хохот. А отсмеявшись, светло-серый сказал:

— Думаю, мы с вами ровесники. Вам ведь под пятьдесят?

Оставалось только удивляться.

— Давно не смотрелся в зеркало,— пожав в смущении плечами, сказал Михаил.— Но я бы вам...

— Оставьте,— перебил его светло-серый.— Я не дама, не надо меня молодить. Чего вы хотите от нас?

— Мне необходимо заработать. А чего бы вы хотели от меня?

— Вы не боитесь червей под кожей, вшей, брюшного тифа и десятка болезней, незнакомых европейской медицине? А также не боитесь ли вы умереть, не разменяв шестой десяток?

— Я хочу заработать. А боишься или не боишься — это зависит от цены.

— Мы не знаем, что вы умеете делать.

— Стрелять, во всяком случае.

— Ну, это могут и мальчишки. А в ваши годы учиться кое-чему другому будет трудновато.

— У меня приличное здоровье,— возразил Михаил.— И потом во время войны мне приходилось не только стрелять.

— Что же еще?

— Я был на Восточном фронте,— соврал Михаил.

— В немецкой армии?

— Да.

— В каких частях?

Михаил рискнул сделать смелый ход не по правилам:

— Эсдэ. Я служил под командой Гюнтера Гофмана. Не слыхали о нем?

Светло-серый опустил глаза и сказал с легкой иронией:

— Кто же не слыхал о человеке, которого по крайней мере в трех странах заочно приговорили к смертной казни?— Он помолчал и добавил: — Но вы, наверное, первый, кто афиширует свою связь с ним.

Михаил подумал, что напрасно затеял эту игру, но решил не отступать.

— Мне и сейчас хотелось бы работать на Гюнтера. Жаль, не знаю, где он.

Это осталось без внимания. Его собеседник вернулся к делу.

— В каком чине вы закончили войну?

— Фельдфебель.

— Сколько рассчитываете получать у нас?

— Если вы положите мне три тысячи западногерманских марок в месяц...

— Это слишком много.

— Две пятьсот...

— Хорошо. Но вы должны будете подписать контракт, который лишит вас права распоряжаться собой минимум на год.

— Именно об одном годе я и думал.

— Хорошо. Приходите сюда послезавтра в это же время, мы все решим.

Михаил был уже у двери, когда хозяин кабинета сказал, не скрывая насмешки:

— Если вы ищете Гофмана, почему же не поинтересовались у Гейзельса? Вас ведь Гейзельс надоумил обратиться к нам, не правда ли?

У Михаила было такое ощущение, что все рухнуло.

— Гейзельс не из тех, кто афиширует свои связи.

— Ладно,— усмехнулся светло-серый,— это не имеет значения...

Выйдя из агентства, Михаил испытывал досаду. Но что сделано, то сделано, оставалось ждать результата. Визит к «распространителю печати» по крайней мере в одном отношении оказался полезным: удалось нащупать нить к Гофману. Гофмана знает Гейзельс. Гейзельса знает Карл Брокман. Ситуация складывалась таким образом, что, разыскав Брокмана, Михаил мог не только выполнить задание, но и достичь личной, страстно желанной цели — найти убийцу отца.

Через день он явился в агентство, и ему дали подписать обязательство, похожее на клятву или на присягу, и осведомились, куда бы он хотел отправиться. Михаил, естественно, выбрал колонию, где воевал Брокман, и через неделю в обществе пятидесяти себе подобных (правда, все были гораздо моложе) высадился с транспортного судна на африканском побережье.

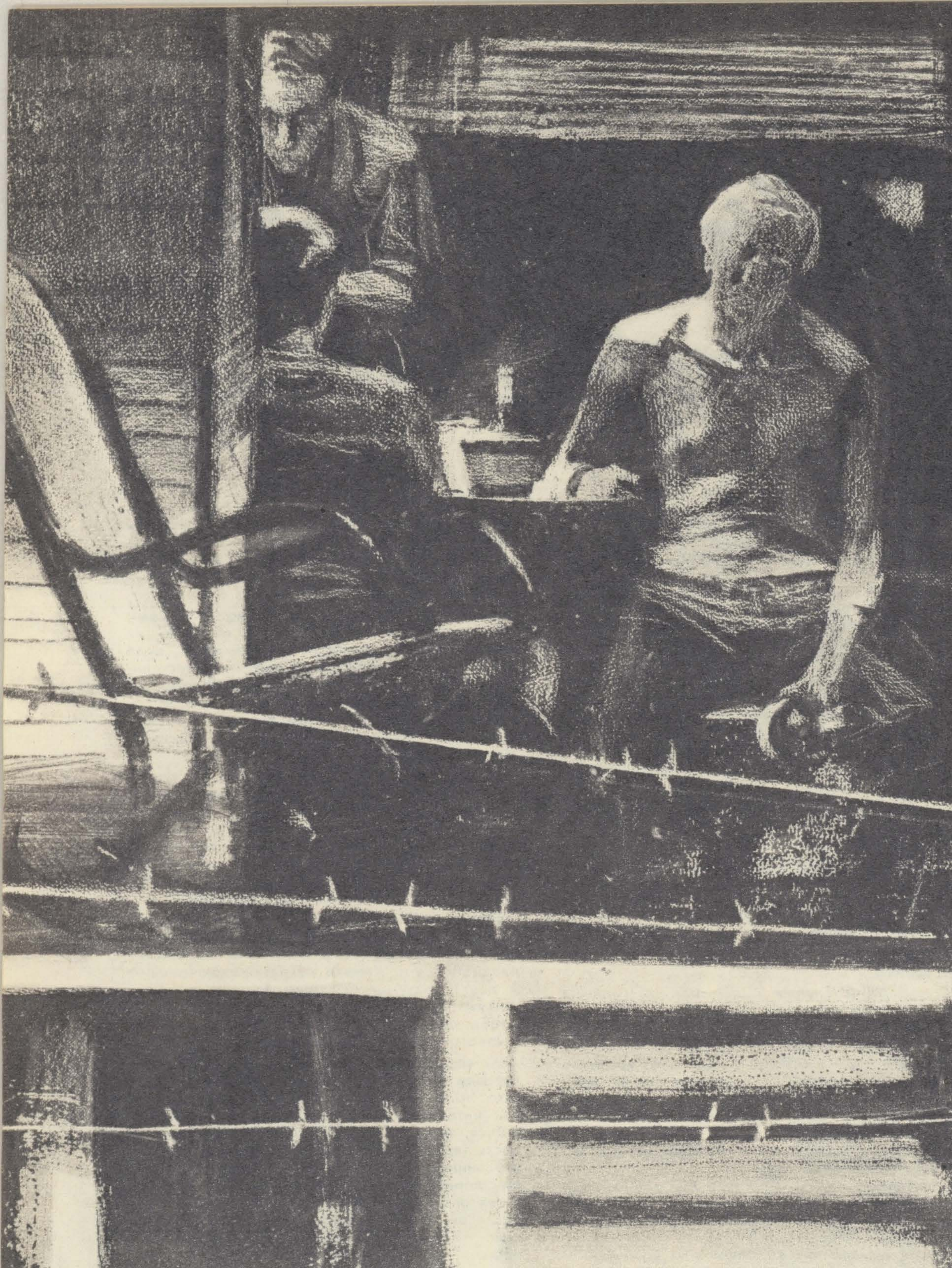
Их поселили в военном лагере, где перед воротами возвышался железный мальтийский крест — символ Лузитании, как называлась когда-то Португалия, разместили в длинном белом бараке по двое в комнате: две кровати с матрацами из морских водорослей, две тумбочки и вешалка, одновременно способная служить пирамидой для карабинов.

Ему относительно повезло: с ним поселился бывший капрал английской армии из гвардейского шотландского батальона, парень лет двадцати пяти. Капрал искал приключений — и денег, разумеется, тоже. Большинство остальных были подонки из уголовников. Капрал Бобби обладал бесценным в общежитии качеством — никогда не заговаривал первым.

На следующий день была произведена сортировка вновь прибывших. Лагерное начальство проверяло новобранцев по двум статьям: интеллектуальной, если можно так выразиться, имея в виду тесты на сообразительность (вроде умения отличать квадрат от треугольника), и физической, имевшей преимущественное значение. Но главным все же считался опыт военных действий. Михаил попал в число шести особо выделенных. Этому следовало порадоваться, ибо таким образом он прошел экзамен на зачисление в категорию существ мыслящих, а не человекоподобных ублюдков. Среди остальных были и карманники, и неудавшиеся сутенеры, и бандиты, скрывавшиеся от суда, и даже один брачный аферист по имени Езар, который, впрочем, выдавал себя за тайного агента какой-то тайной службы (вскоре выяснилось, что он просто шизофреник, но его за это не отчислили).

Они ходили на стрельбище, где проводили два утренних часа, затем с ними занимался инструктор по дзюдо, после обеда специалист по борьбе с партизанами читал им лекции, а после лекций они отрабатывали на местности практические действия. Гоняли так, что к концу дня эти здоровенные парни еле волочили ноги. За две недели каждому пришлось прыгнуть четыре раза с парашютом — дважды ночью, группой, причем оба раза прыгали на лес. Один из новобранцев разорвал себе о сук сонную артерию и умер на руках у капрала Бобби, не дождавшись врачебной помощи. Кое на кого этот случай произвел угнетающее впечатление, но наутро после отпевания, совершенного гарнизонным священником, с новобранцами беседовал самый главный начальник, который вслед за священником произнес высокие слова о благородной миссии цивилизованных народов на земле черной Африки, об опасности распространения коммунистических идей и так далее, а

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17, 18.

— Это верно... Да, вот еще что, Фернанду,— сказал Михаил, не стараясь притвориться, будто это вспомнилось ему между прочим.— Тебе не приходилось встречаться с человеком по фамилии Брокман? Говорят, он где-то здесь.

Фернанду посмотрел на него, прищурившись:

— Ты знаком с этим экземпляром?

— Я — нет. Но по твоему вопросу видно, что ты знаком.

— О да! — с брезгливой миной воскликнул Фернанду.— Даже очень хорошо: я его натаскивал.

— И давно это было?

— Не так давно... Не помню... А к чему ты о нем заговорил?

— Просили передать ему привет.

— Кто же это?

— Есть такой Гейзельс...

Фернанду присвистнул.

— Еще того чище! Так ты знаешь Гейзельса?

Похоже, Михаилу следовало оправдываться за свои знакомства.

— Случайно сошлись в Париже. У меня дела были скверные, он посочувствовал.

— Что, денег дал?

— Денег от первого встречного я не беру. Он шепнул мне адрес лиссабонского агентства по распространению печати.

— Значит, ты ему не очень приглянулся. Могло бы быть и похуже.

Фернанду все больше и больше начинал нравиться Михаилу.

Намек на принадлежность Гейзельса к темному миру был прозрачен, и Михаил спросил:

— По-твоему, я похож на овцу? Куда поведут, туда и пойду?

— Не думаю. Но такие, как Гейзельс...— Фернанду недоговорил.

— А где сейчас Брокман?— спросил Михаил.

— Там, в джунглях.

— С такими же вояками, как наши?

— Э-э, нет. Он по другим делам.

— Секрет?

Фернанду посмотрел на него совершенно трезвыми глазами.

— Знаешь, хотелось бы дать тебе маленький совет.

— Говори.

— Раз уж ты сюда попал, старайся не копаться в чужих делах. Спокойней будет.

— У меня вообще такой привычки нет.

Фернанду продолжил так, словно Михаил не дал ему закончить предыдущее:

— Но о Брокмане я тебе кое-что могу сообщить. Спецкоманда, в которой он работает, охотится за командирами партизан.

Они разошлись после полуночи.

— Все, что мы тут болтали, строго между нами,— сказал Фернанду на прощание.

— Мог бы и не предупреждать...

Улегшись в постель и перебрав в памяти по порядку их застольную беседу, Михаил не мог не подивиться откровенности Фернанду Роша. Ведь они были знакомы всего какие-то три недели, а Фернанду выложил ему столько, что, будь на месте Михаила подосланный провокатор, инструктора по борьбе против партизан поставили бы к стенке без суда и следствия.

Объяснять доверчивость Фернанду тем, что Михаил угощал его, было бы неверно: инструктор, насколько Михаил успел заметить, был не жаден и денег имел достаточно, да к тому же холостяк, копить не для кого. Скорее всего он слишком долго молчал, и вот при первом подходящем случае, сошедшись с человеком, не похожим на тех полулюдей, с которыми приходилось общаться много лет, Фернанду раскрылся, чтобы хоть один вечер отдохнуть душой. Других правдоподобных толкований Михаил не нашел...

У него уже набрались некоторые сведения, на основании которых можно было составить отчет для Монаха, отображающий истинное положение в колониальных войсках.

Дело же с Брокманом сильно усложнялось. По-видимому, встретиться с глазу на глаз им в ближайшее время не суждено, а затягивать пребывание в колонии не имело смысла. Но он еще не придумал, как отсюда выбраться.

Рассуждая о мести, Михаил приходил к вы-

самое главное — пообещал всем прибавку жалованья...

Михаилу не трудно было выделиться. Уже к концу первой недели он подружился с инструктором по противопартизанским действиям, к чему, собственно, и стремился. Они были почти одногодки. Инструктор, которого звали Фернанду Рош, сам предложил ему однажды вечером распить бутылочку, а у Михаила имелся привезенный из Франции коньяк. Они его и распили дома у инструктора, занимавшего однокомнатную квартиру в коттедже за пределами лагеря.

Дружба эта способствовала тому, что Михаилу предложили на время заменить одного из инструкторов по стрелковой подготовке, которого отправили в Лиссабон на операцию по поводу гнойного аппендицита.

С того дня Михаил и Фернанду Рош выпивали каждый вечер, благо они стали соседями, так как Михаил занял комнату заболевшего инструктора, а в гарнизонном магазине было все, что душе угодно.

Фернанду Рош оказался не таким уж циником, как думал поначалу Михаил. Он исправно нес свою службу, но расистом не был, а почившего в бозе Салазара и его преемника Каэтану великими деятелями и вождями португальской нации не считал. Он даже обмолвился как-то, что то, чем они тут занимаются, то есть война против законных владельцев африканской земли,— дерьмо, недостойное даже быть темой разговора между двумя нормальными людьми, когда они сидят за столом и попивают неплохое винцо.

— Это портит букет вина,— улыбнувшись, докончил Фернанду свою речь.

Момент был благоприятным для разговора по душам, и Михаил решил им воспользоваться.

— Да мне-то тем более наплевать на вашу политику,— сказал он.

— Зачем же ты сюда приехал? Для любителя экзотики ты в такой упаковке староват... Только деньги?

— Конечно.

— Но ты не похож на всех этих подлецов, которые за три доллара мать родную зарежут.

Михаил вздохнул.

— Что делать? В Европе такому, как я, не прокормиться.

Фернанду подмигнул ему.

— Ничего, старина, пока существуют на свете паршивые политиканы, нам с тобой работы хватит.

воду, что это действительно низменное чувство, но всякий раз возникал контрдовод: Брокмана необходимо обезвредить хотя бы уже потому, что он не человек, а опасный бешеный волк. Как еще можно назвать выродка, избравшего себе профессией убийство людей? Рассчитаться с убийцей необходимо. И если самосуд карается законом, то совестью своей Михаил его оправдывал. Правда, он не был твердо уверен, что рука его не дрогнет в решительный момент. Главным оставалось встретиться с Брокманом и через него выйти на след Гофмана. Но как это осуществить?

Михаил уже начинал изнывать от нетерпения: когда же наконец вернется оперированный инструктор, которого он подменял? Но тут произошло чрезвычайное событие.

Фернанду, забежав к нему во время дневного перерыва, сообщил, что срочно вылетает в джунгли и что, по всей вероятности, вскоре Михаил будет иметь счастье видеть Брокмана — живого или мертвого.

Михаил привскочил с постели — он сидел, собираясь раздеться и лечь.

— Что произошло?

Но Фернанду выбежал, крикнув через плечо:

— Вертолеты ждут!

Надев белую панаму, Михаил вышел из дому, пересек под палящим полуденным солнцем пустынную, кремнисто твердую площадь, жегшую ноги даже через толстую кожаную подошву, и вошел в здание штаба.

Дежурный, с которым он был знаком, ничего толком объяснить не мог. Сказал, что с материка поступила по радио просьба о срочной помощи — кто-то там попал в беду, а кто именно и где, неизвестно. К радистам на второй этаж Михаил пойти не мог: туда нужен был особый пропуск.

Вернувшись к себе, Михаил лег на кровать, не раздеваясь.

Вертолеты вернулись в 16.00. Михаил, услышав их шум, отправился в казарму, где размещались новобранцы: она была ближе к аэродрому. Те, кто сейчас прилетел из джунглей, обязательно проедут мимо нее, а Михаилу очень хотелось посмотреть на вернувшихся.

Ждать пришлось недолго. Вскоре на бетонке, ведущей от аэродрома, показались два «джипа» с туго натянутыми светло-песочными тентами. Они пронеслись мимо и скрылись в той стороне, где располагался лагерь спецкоманд. Михаил успел заметить, что в «джипах» на задних скамьях сидели какие-то лохматые, бородатые люди в ободранных пятнистых маскировочных униформах. И что-то белое мелькнуло — наверное, бинты, перевязки.

А минут через десять на дороге появились еще несколько «джипов». В переднем рядом с шофером сидел Фернанду. Он помахал Михаилу рукой.

Михаил не спеша зашагал к дому.

Скоро пришел Фернанду и сразу отправился под душ. Через открытую дверь ванной он рассказывал сидевшему у стола Михаилу о том, что произошло.

— Их пятеро было, в том числе твой Брокман... Базу заложили в джунглях недалеко от штаба... В разведку ходили, ловили момент... А момента нет и нет...— Он делал паузы, когда отфыркивался.— Сегодня утром на них набрел какой-то мирный негр с мальчишкой... Старик и мальчишка. Старика они застрелили, а парнишка удрал. Их накрыли. Они дали сигнал по радио сюда. Ну, а дальше все ясно...

— У вас был бой?— спросил Михаил.

Фернанду не расслышал.

— Что?

— Бой был, говорю?

— Ерунда! Так, пугнули малость. Те не ожидали, конечно, что мы так быстро подоспеем, и держали эту бравую команду в осаде малыми силами — человек десять. Там между деревьями чистое место было, мы спокойненько сели, а нас тридцать человек — какой же тут бой?

— А из наших, по-моему, кто-то ранен?

— Трое. И Брокман тоже.

— Тяжело?

— Ерунда, царапина... Касательное в левое предплечье...— Фернанду кончил полоскаться, закрыл краны.— Сказать по чести, будь моя воля — не стал бы я их оттуда вытаскивать...

— Брокмана в госпиталь отправят?

— Тут уж как он сам захочет,— не придав этому вопросу никакого особого значения, с обычным своим добродушием отвечал Фернанду.— Я ему, между прочим, передал от тебя привет.

— Он же меня не знает.

— Верно. Брокман так и сказал: кто еще такой?

— Если можешь, представь нас друг другу.

— Попробуем... Но мне это ничего приятного не доставит...

В тот же вечер Фернанду привел к себе Брокмана, а Михаил ждал их, уставив стол бутылками, джусом и стаканами. Брокман явился голый до пояса, на левой руке чуть ниже локтя — пухлый тампон, приклеенный пластырем. Дон говорил в Париже правду: Брокману на вид было лет тридцать. Волосы светлые. Загорелый не по-курортному, а скорее как дорожный рабочий: лицо ниже бровей, шея, руки до бицепсов — кофейного цвета, а торс и лоб — молочно-белые. Светлые волосы и черное лицо производили впечатление, будто смотришь на негатив. Михаил предполагал узреть нечто гориллоподобное, но перед ним был хорошо сложенный, красивый парень с несколько презрительной гримасой. На собеседника он не глядел.

— Привет,— по-немецки сказал Брокман, усаживаясь.— Меня зовут Карл.

— Привет,— ответил Михаил, радуясь, что этот тип не протянул ему руки.

— Говорят, вы меня знаете.

— Марк Гейзельс просил передать вам поклоны.

— А-а, еще бегает, старый лис! Как он там?

— Мы виделись накоротке. Но можно понять, что он при деньгах.

— Гейзельс всегда при деньгах,— небрежно заметил Брокман.— Мы выпьем или будем смотреть на бутылки?

— Что вы предпочитаете?

— Покрепче...

Михаил взял большую бутылку джина, посмотрел на Фернанду, который стоял, опершись рукой о спинку стула. Фернанду кивнул. Михаил налил в три стакана. Выпили.

— Не сильно?— спросил Михаил, показывая на раненую руку Брокмана.

— Достаточно для того, чтобы смыться отсюда,— сказал Брокман.

— Значит, в Европу?

— Завтра же. Имею право.— Брокман повертел перед глазами пустой стакан.— И страховку получим.

— Вы счастливчик.

— Желаю и вам того же.

— Спать хочется,— сказал Фернанду.

Михаил обернулся к Брокману.

— В таком случае, может, перебазируемся ко мне?

— Благодарю. Надо отдыхать.— Он посмотрел на часы, которые были у него на правой руке.

И Михаил вспомнил слова патологоанатома, выступавшего в качестве судебно-медицинского эксперта: «Если удар был нанесен не сзади, то бил левша».

Брокман меж тем встал. Михаил решил рискнуть, как при разговоре с вербовщиком в лиссабонском агентстве по распространению печати.

— Один вопрос, Карл...

— Да.

— Вам не знакомо имя Гюнтер Гофман?

Казалось, над ухом у Брокмана выстрелили из пистолета: он вздрогнул.

— Почему вас это интересует?

— Видите ли, я когда-то, во время войны, служил с ним. Хотелось бы разыскать. Полагаю, сейчас у него другое имя...

— Правильно полагаете.

— Вам ничего о нем неизвестно?

— Последнее его имя — Алоиз. А фамилией я не интересовался.

— А где он сейчас?

— Был в Америке.— Брокман повернулся к двери.— Пока.

— Пока.

Продолжение следует.

ЮМОРИНКИ

Семен **ВИШНЕВСКИЙ**,
народный поэт
Марийской АССР

КРИТИКА ЛЕЧИТ

Призывал с трибуны шеф:
«Всех
виновников прорех
крой,
разделай под орех!
Бич критический —
наш друг,
изгоняющий недуг!»
Внял я,
волю дав бичу,
ну, и шефа в пух
разнес.
Но с тех пор
хожу лечу...
шею,
ухо, горло, нос!

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

Синоптик взял
на службу зонт —
лазурным будет
горизонт!

ДОБРЯК

Щедрый сепаратор
на жирок
широк:
к заву... центнер спрятал
масла в кошелек!

ЗУБ МУДРОСТИ О ЯЗЫКЕ

Это счастье челюстей,
что болтун наш
без костей,
а не то бы челюсти
не осталось
в целости.

ЭкСПИРТиза

Горючего
в шофере
больше, чем в моторе.

КРАСАВИЦА В КАССЕ

Заметь:
как влюбленно глядит,
как нежно внимательна
к массе!
Посмотрит —
рублем наградит,
а сдача...
останется в кассе.

Перевел с марийского
Иван **ЗАКОНОВ**.

ВСЕ ШАЙБЫ ЗАБИТЫ

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Соревнования такого ранга, как чемпионат мира по хоккею, интересны не только матчами, которые происходят на глазах многомиллионной аудитории. Одним из малоизвестных событий, которое состоялось на ледяном поле Дворца спорта, был матч двух журналистских хоккейных команд — СССР и остальных стран, приславших своих обозревателей в Москву. В этом матче было все, как в настоящем хоккее,— и голы и удаления, а в пресс-центре было пущено каким-то остряком утверждение, что теперь спортивные обозреватели, побывав в шкуре хоккеистов, будут добрее к своим героям. А другая схватка происходила за закрытыми дверями и была совершенно бескомпромиссна. Представители Федерации хоккея СССР вели переговоры с президентом НХЛ Джоном Зиглером о новых встречах и решительно потребовали от него участия в Кубке «Известий» одной из сильнейших профессиональных команд. В ином случае на Кубок Канады будет послана не первая, а вторая сборная СССР.

Мы уже писали в предыдущем номере о том, что руководители НХЛ предпочитают золото не в спортивной, а банковской чеканке, и потому направляют на официальные чемпионаты мира команды второго сорта. Ну, в самом деле, как можно оценить такой факт: когда корреспондент газеты «Социалистическая индустрия» попросил тренера сборной команды Канады, выступавшей в Москве на чемпионате мира, составить сборную из лучших игроков всех приехавших команд, Джонстон включил в такую команду только одного канадского хоккеиста — защитника Рики Грина.

Может ли быть представлена более красноречивая иллюстрация к положению, которое создалось в отношениях между международным и канадским хоккеем?

Зрители, до отказа заполнявшие московский Дворец спорта в дни чемпионата, и зрители, часами просиживавшие у своих телевизоров, недоуменно пожимали плечами, наблюдая игру канадской сборной: где же канадские «звезды»?

Мы еще не знаем, удалось ли прийти к какому-нибудь удовлетворительному соглашению в переговорах с президентом НХЛ, но ясно одно: позиция НХЛ бьет по престижу канадского хоккея. Сейчас на родине этой популярной игры все чаще советских хоккеистов ставят выше самых блестящих профессиональных игроков, и в этом смысле знаменательна шутливая реплика одного из канадских обозревателей, который заявил, что раньше в его стране были известны братья Карамазовы, а теперь широко известны еще и братья Голиковы.

Да, нападающие сборной команды СССР братья Александр и Владимир Голиковы, которые выступали вместе с самым молодым членом сборной Сергеем Макаровым, стали поистине украшением нашей команды. Вдохновенные действия этой тройки покорили всех, и она ни в чем не уступала ни прославленному первому звену сборной, которое возглавляет Владимир Петров, ни многоопытным хоккеистам из звена Виктора Жлуктова.

Средний возраст советской команды был самым солидным на чемпионате — 26,9 года, но как молодо и свежо провели чемпионат наши славные ветераны! Неутомимый Владимир Петров все время возглавлял список лучших бомбардиров, и рядом с ним уверенно держали строй его товарищи Валерий Харламов и Борис Михайлов. А вместе с ними уверенно оспаривали приз лучшего бомбардира Сергей Макаров (ему лишь 21 год) и один из братьев Голиковых, Александр.

Но этот список бомбардиров был бы неполным, если бы мы не прибавили к нему еще двух — Виктора Тихонова и Владимира Юрзинова...

Нет, мы не описались и, конечно, помним о том, что и Тихонов и Юрзинов не выходили на лед, не забивали шайб. Они тренеры сборной команды СССР. Но разве это не они с поистине снайперской точностью подвели свою команду к высшему пику формы, разве не они слили воедино двенадцать нападающих, восемь защитников и двух вратарей и привели свою команду к блестящей победе? Да, уже за два дня до окончания чемпионата стал известен его исход. Сборная СССР, победив канадскую команду 9 : 2, в шестнадцатый раз завоевала первенство мира и в девятнадцатый — первенство Европы. А хоккеисты чехословацкой сборной после победы над шведской сборной в последний день снова встретились со сборной СССР и уже выступали в ранге вице-чемпионов мира.

Итак, все точки расставлены, и все шайбы забиты. Однако только на 46-м чемпионате мира. Впереди новые встречи и на Кубке «Известий», и на Белой Олимпиаде, и на новом соревновании мирового масштаба — Кубке Канады, и на чемпионате мира в Стокгольме в 1981 году.

Мировой чемпионат завершен, но впереди новые схватки на льду.

Сейчас начнется игра.

Шведская сборная завоевала бронзовые медали.

Хоккей есть хоккей.
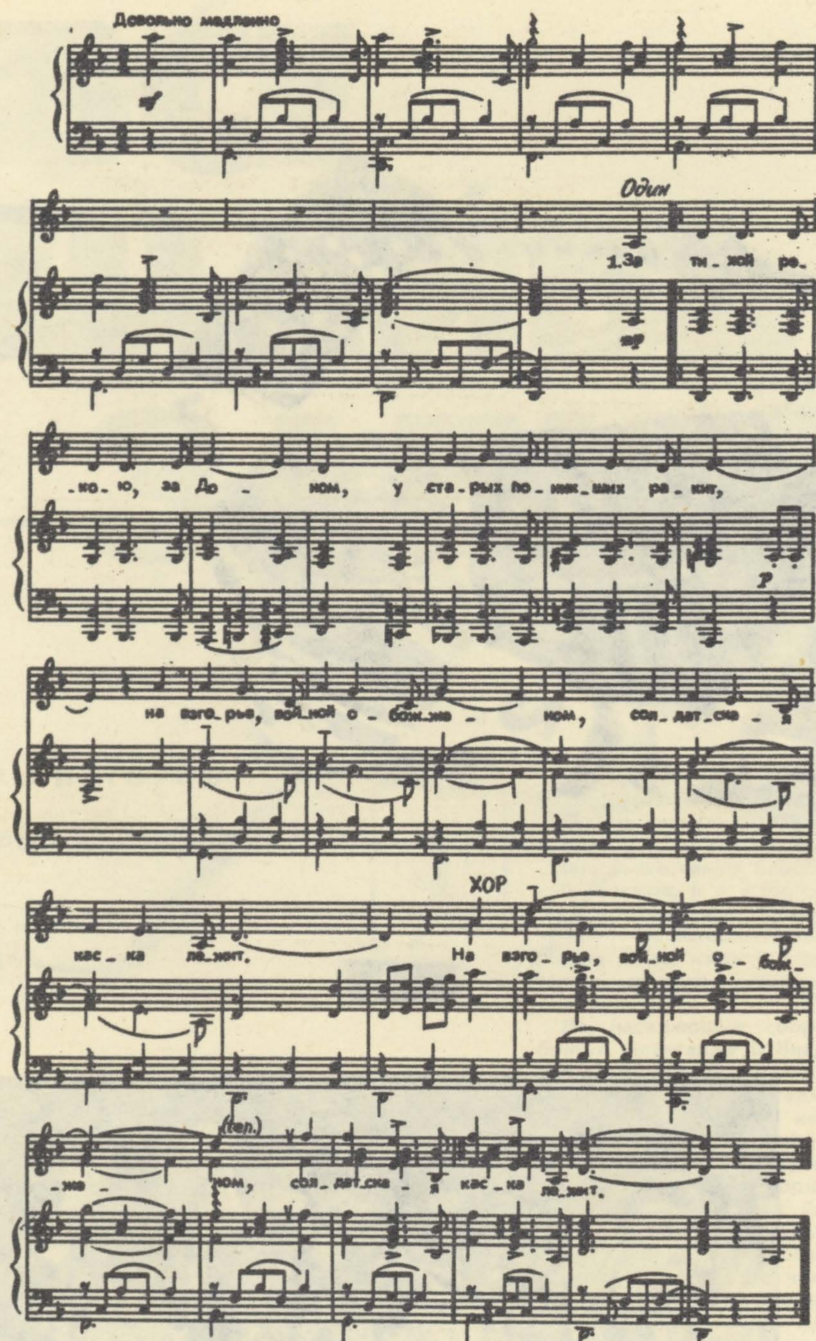

Виктор Тихонов управляет игрой. Слева направо: Владимир Петров, Валерий Васильев и капитан команды Борис Михайлов

На трибунах Дворца спорта.

Чемпионы мира и Европы хоккеисты СССР принимают поздравления хоккеистов Чехословакии

Солдатская каска

Музыка Анатолия **НОВИКОВА**

Стихи Александра **МОСКАЛЕВА**

За тихой рекою за Доном,
У старых поникших ракит
На взгорье, войной обожженном,
Солдатская каска лежит.

В тревожных зарницах заката
Ушел он в последний поход.
Не знаем мы имя солдата,
Но подвиг солдата живет.

Стоят в карауле над каской
Ракиты шеренгой прямой.
А мать в Ленинграде на Нарвской
Ждет сына родного домой.

Мы подвиг бойца не забудем,
В сердцах пронесем сквозь года.
Пусть каски нужны будут людям
Лишь только на фронте труда.

ОБИДА

Борис ЛАСКИН

Моя супруга, Клавдия Филимоновна,— женщина энергичная, и сегодня передо мной стоит задача, как использовать ее энергию в мирных целях.

После вмешательства моей Клавдии Филимоновны в отдельные моменты нашей действительности надолго остается радиация, от которой страдаю не один я, но и другие совершенно посторонние граждане.

Хочу привести последний случай.

Один мой хороший знакомый, не скажу — друг, но знакомый, знаю этого человека хотя и не так давно, но знаю, встречались не раз, два раза мы встречались. И вот этот самый товарищ по фамилии Скороваров встретил меня, когда я шел сдавать в магазин стеклотару. Мы пригласили для компании еще одного товарища и решили постоять в узком кругу.

Не буду описывать, как прошла наша встреча, но скажу, что получился небольшой перебор, в особенности в лице Тешина — нашего третьего участника. Когда мы пришли ко мне домой, чтобы закончить беседу, то там разыгралась ненормальная сцена. Если бы Клавдия пошла на нас в атаку, не было бы вопросов, но эта хитрая женщина изобразила на лице улыбку и заявила: «Какой сюрприз! Раздевайтесь, садитесь к столу, сейчас я вас чаем напою».

Когда Скороваров разбудил Тешина, на столе уже стояли чайник, чашки, варенье.

Мы, конечно, сели. Скороваров спел баритоном, а потом сказал, что он крупный специалист по торговому оборудованию, а Тешин сообщил, что он водитель «рафика» и в настоящее время проводит каникулы по линии ГАИ.

Клавдия спросила у гостей, какое их семейное положение. Оба сказали, что женаты. У одного жена работает медсестрой в институте мозга, а у другого — в ателье химчистки.

Видя, что Клавдия начала совершенно ненужное следствие, я указал ей на это дело, но она заявила, что желает поскорей подружиться и со Скороваровой и с Тешиной, чтобы у нас сложился небольшой коллектив и чтоб мы могли в любой момент собраться и культурно провести время.

Вскорости гости разошлись, и мы остались с супругой вдвоем.

Конечно, я ожидал, что Клавдия тут же примет ко мне запрещенные приемы, но этого не было, и у меня появилось подозрение, что Клава наметила какое-то другое мероприятие.

А теперь я изложу, насколько я был прав и как моя Клавдия Филимоновна скомпрометировала не только меня, но и работника торгового оборудования и городского транспорта.

Клавдия узнала адреса и связалась с супругой Скороварова и с супругой Тешина. Эти три женщины тут же объединились, чтобы нанести нам совместный удар. Они написали в газету довольно-таки беспощадную заметку под названием «Пред вами тройка удалая».

В этой заметке, которую, надо думать, многие уже прочитали, они выставили в ненужном свете своих родных и близких.

В частности, гражданка Тешина дала понять, что ее супруг неоднократно прибывал к месту постоянной прописки на четвереньках. Лично со мной такого почти что никогда не случалось. Опять же потому, что под нами никого нет и быть не может: мы живем на первом этаже. Нельзя валить в одну кучу наши отдельные недостатки. У каждого свой участок. С какой же стати Скороваров будет платить штраф за то, что я чисто случайно посшибал все урны на улице? Какой мне расчет отвечать за промашки Тешина, за то, что он задумался и въехал на своем «рафике» в комиссионный магазин?

Так получилось, что все в сумме, что понаписали эти женщины, относится ко всему нашему трио. Это неправильно. Надо все проступки и нарушения разделить на троих. Никакого у меня нет желания каяться в том, в чем лично я не виноват.

Товарищ редактор! Прошу меня извинить за плохой почерк. Я вам пишу из учреждения спецмедслужбы, где еще не создали нормальные условия, когда каждый гражданин, прибывший сюда, может в спокойной обстановке оглянуться на пройденный путь и изложить все на бумаге.

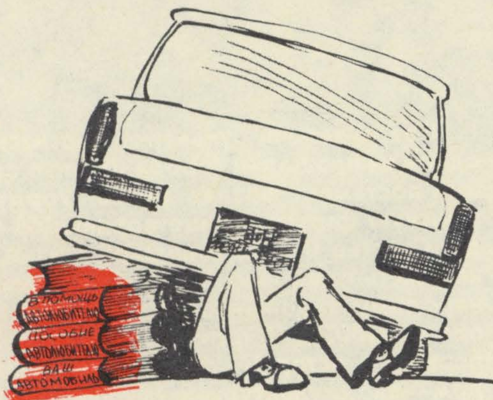
Если это мое заявление будет напечатано, прошу сразу дать команду, чтобы мне прислали гонорар, но ни в коем случае по домашнему адресу, а прямо сюда, в учреждение. Деньги мне нужны срочно, так как я, видите ли, обязан лично оплачивать свое пребывание плюс постельное белье и гигиенические процедуры в виде купания в душе.

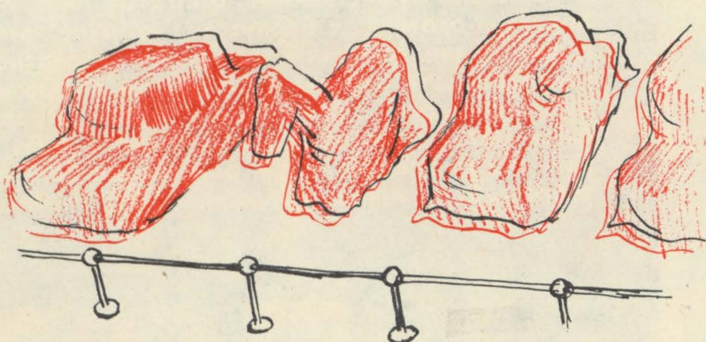
Если возможно, то прошу выслать небольшой аванс, чтобы я мог вернуть свой организм в нормальное русло, откуда меня выбили три женщины, которым, видно, наплевать на своих мужей, с которыми их свела большая любовь и другие случайные причины.

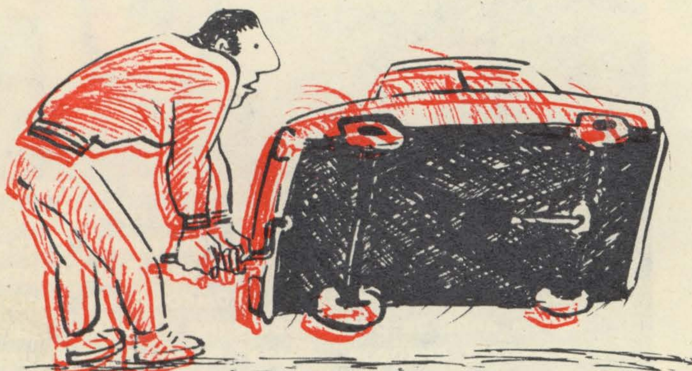
Если у вас будет желание поговорить со мной лично, позвоните сюда, где я нахожусь, и попросите к телефону «Рыжего». Так меня прозвали здешние сотрудники. Они сообщат вам мою фамилию, а что я написал, можете напечатать под этим псевдонимом.

Извините за беспокойство!

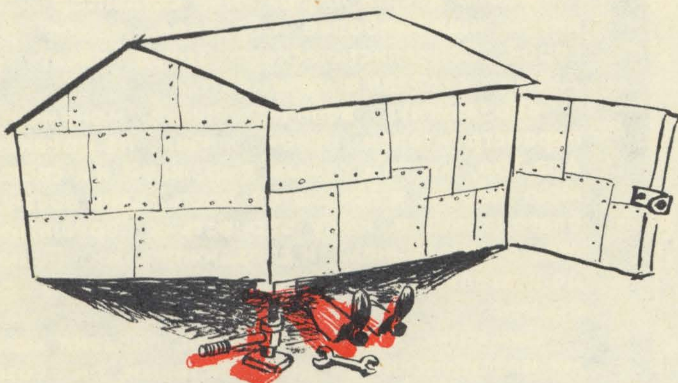
ВЕСЕННИЕ ЗАБОТЫ

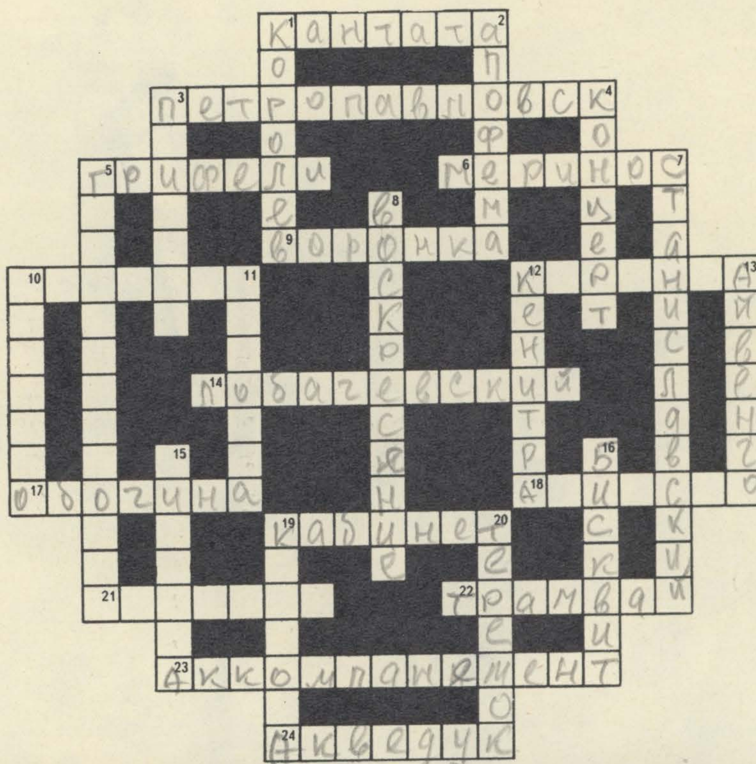

Рисунки О. ВЕДЕРНИКОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Крупное вокально-инструментальное произведение. 3. Областной центр в Казахстане. 5. Цветные карандаши без оправы. 6. Тонкорунная овца. 9. Полый конус с трубкой. 10. Соотношение красок в картине по тону. 12. Сушеный виноград без семян. 14. Русский математик XIX века. 17. Край дороги. 18. Итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд». 19. Комната для занятий, работы. 21. Река в Грузии и Азербайджане. 22. Городской транспорт. 23. Музыкальное сопровождение. 24. Мостовое сооружение с каналом или трубопроводом.

По вертикали: 1. Советский ученый, конструктор ракетно-космических систем. 2. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 3. Рыба. 4. Публичное исполнение музыкальных и других произведений, эстрадных номеров. 5. Дневная бабочка. 7. Советский режиссер, актер, теоретик театра. 8. Роман Л. Н. Толстого. 10. Пристройка у входа в дом. 11. Сорт яблок. 12. Порт в Марокко. 13. Роман В. Скотта. 15. Вид изобразительного искусства. 16. Кондитерское изделие. 19. Приток Томи. 20. Русская народная сказка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 1. Авдотка. 8. Черника. 9. Куросио. 10. Ремарка. 11. Инсаров. 13. Каракал. 17. Веранда. 18. Имандра. 19. Баранка. 20. «Арсенал». 23. Ракетка. 26. Антраша. 29. Пифагор. 30. Полигон. 31. Мезолит. 32. Зарница. 33. Медиана.

По вертикали: 2. Варшава. 3. Клиника. 4. Инженер. 5. Экзамен. 6. Гудаута. 7. Водород. 12. Квартал. 13. Камбала. 14. Армавир. 15. Литавра. 16. Бальзак. 21. Собинов. 22. Негатив. 24. Капитан. 25. Толокно. 27. Наречие. 28. Шапорин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: По приглашению Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Москву с официальным рабочим визитом прибыл Президент Французской Республики Валери Жискар д'Эстен.

На снимке: Во время встречи на аэродроме.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова. (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На чемпионате мира по хоккею в Москве. Борьбу ведут сборные СССР и Чехословакии.

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 13.04.79. Подписано к печати 02.05.79. А 00654. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1258. Заказ № 507.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

А. КИБАЛЬНИКОВ,
народный художник СССР,
действительный член Академии художеств СССР

Среди зелени бульваров киргизской столицы, на одной из площадей города Фрунзе стройный гранитный постамент вознес ввысь гордую, прекрасную женскую фигуру, олицетворяющую Свободу, Правду, Счастье новой, советской жизни. Это центральная часть памятника Борцам революции, созданного народным художником Киргизской ССР, лауреатом премии ЛКСМ Киргизии Тургунбаем Садыковым, первым в истории скульптором-киргизом. А рядом—две скульптурные группы: Пробуждение и Революция.

Смелые, мужественные, открытые лица. Мудрый беркутчи-охотник с беркутом на руке, отважный горец на яке, русский крестьянин-переселенец полны решимости, готовы к борьбе за власть народа. Молодой киргиз с винтовкой в руке, красноармеец, юная мать, бережно прижимающая к себе ребенка,—это уже новые люди, рожденные Великим Октябрем, безгранично преданные делу Ленина.

БОРЦ

В центральной части монумента — девятиметровая бронзовая фигура женщины со знаменем в руках. Прообразом для нее послужила бессмертная героиня Киргизии Уркуя Салиева. В двадцатые годы эта шестнадцатилетняя комсомолка выступила в своем аиле за раскрепощение женщин. Занималась на курсах ликбеза, была активистом колхозного движения. В 1928 году ее избрали председателем сельсовета и членом ЦИК Киргизской АССР. Байские приспешники угрожали Уркуе. Но ее нельзя было сломить, запугать. Она работала, утверждая на своей земле социалистические завоевания революции. Февральской ночью 1934 года враги жестоко расправились с Уркуей, ее мужем — председателем колхоза и их годовалым ребенком. Но физическая смерть не уничтожила ее в памяти соотечественников. Уркуя Салиева стала народной героиней, легендой.

Около десяти лет работал скульптор над памятником, ища наиболее образное, емкое решение. Герой Социалистического Труда писатель Чингиз Айтматов сказал о монументе:

«Воздвигнув величественный монумент в честь первостроителей новой жизни на древней земле Ала-Тоо, мы тем самым выражаем им свою сыновнюю любовь и признательность, дань восхищения и благодарности, нашу верность и нерушимое единство с поколением и сподвижниками Ленина, продолжателями дела которых мы считаем себя по праву.»

Памятник, который я видел, поразил меня своими пластическими достоинствами, он сотворен в лучших традициях нашей советской монументальной скульптуры.

АМ РЕВОЛЮЦИИ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663